

Пермский государственный технический университет
Гуманитарный факультет
Западно-Уральский институт экономики и права

АНТРО

**АННАЛЫ
НАУЧНОЙ ТЕОРИИ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Выпуск 2

Пермь 2006

ББК 63+87.6+74.00

А 72

АНТРО: **А 72** **Анналы научной теории развития обще-**
ства.— Вып. 2 / Перм. гос. техн. ун-т; Зап.-Урал. ин-т
экономики и права.— Пермь, 2006.— 123 с.

ISBN 5-89919-057-4

В научном вестнике «АНТРО» публикуются материалы исследований по методологии истории; социальной философии; теории, истории и прогнозированию развития общества; образованию и воспитанию молодежи.

Во втором выпуске помещены материалы межвузовской научной конференции «Историк и время», посвященной памяти профессора Ю. А. Черных, прошедшей в Перми 12 января 2006 г.

Редакционная коллегия:

В. П. Мохов, Н. А. Невоструев, М. Г. Нечаев,
В. Н. Стегний (главный редактор), В. Ю. Черных

Контактные телефоны редколлегии:

(342) 219-84-34, 219-83-92 — Мохов Виктор Павлович;
(342) 218-13-45 — Черных Владимир Юрьевич.

E-mail: antro.antro@pochta.ru

Электронная версия вестника:

<http://ep.perm.ru/sources/scint.php>

ББК 63+87.6+74.00

ISBN 5-89919-057-4

© НОУ «Западно-Уральский
институт экономики и права»,
2006

СОДЕРЖАНИЕ

Антипьев А. Г.

Социальные проблемы современной
русской молодежи 5

Сулов М. Г.

Факторы деформации гуманитарного знания
и образования на современном этапе 15

Поварницын Б. И.

Патриотическое воспитание молодежи
и государственные праздники 19

Шапиро А. Б.

Девиантное поведение молодежи —
факторы социального риска 26

Черных Л. Н.

Роль кафедр общественных наук
в воспитании молодежи 37

Бушмаков А. В.

Власть и школа в Пермской губернии в начале XX в. ... 40

Чащухин А. В.

Советская школа 1950-х — начала 1960-х гг.
в процессе формирования городской культуры
Перми (Молотова) 55

Шадрин В. О.

Политика ЦК ВЛКСМ по отношению к рок-музыке..... 70

Вяткина Е. Б.

Формирование культурно-ценностных ориентаций выпускников гимназии 82

Белоногов Ю. Г.

Конфликт интересов внутри региональной номенклатуры 1960-х гг.: к постановке исследовательской проблемы 90

Колдушко А. А.

«Кадровая революция» 1937–1938 гг. в контексте концепции модернизации 104

Кашаева Ю. А.

Подворные переписи как источник по социальной истории крестьян — кустарей Пермской губернии (конец XIX — начало XX в.)..... 113

Наши авторы 121

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В любую историческую эпоху молодежи приходилось нелегко из-за шаткости и неопределенности ее социального положения. Проблемы молодежи в нашей стране во многом связаны с теми объективными процессами, которые протекают в современном мире: урбанизацией, снижением рождаемости, духовно-нравственным кризисом и т. п., но вместе с тем молодежные проблемы в России имеют и свою специфику, опосредованы российской действительностью, той политикой, которая проводится по отношению к молодежи. Сегодняшние российские молодые люди поставлены в экстремальные условия: переворот в социально-экономическом укладе сопровождается обвальным кризисом идеологии и соответствующей практики работы с молодежью.

На сегодняшний день в стране проживает 38 млн. несовершеннолетних граждан, каждый десятый из которых находится в экстремальных условиях¹.

В новой экономической, социальной и духовно-нравственной ситуации в России радикально изменяются социальные характеристики молодежи. Сегодня в молодежной среде, как и в обществе в целом, преобладают процессы **дифференциации**. Причем последние проявляются более отчетливо, чем процессы **интеграции**. Это связано прежде всего с тем, что в условиях радикального преобразования российского общества происходят глубокие изменения в его социальной стратификации, одной из особенностей

¹ *Российская газета*. 2002. 20 марта. С. 3.

которой является социальная поляризация, основанная на **имущественном расслоении**. При этом более явно обозначились не только общие черты молодежи, но и региональные, национальные, конфессиональные, социально-экономические особенности различных молодежных групп и слоев. В связи с этим актуальным является познание динамики происходящих изменений в молодежной среде.

Испытывая серьезное влияние происходящих за последнее десятилетие политических и экономических перемен, существенного снижения уровня жизни, увеличения социального неравенства, молодежь остается значительной и динамично развивающейся (крайне неравно) социальной группой населения России. По данным переписи 2002 г. молодых граждан от 14 до 29 лет насчитывается в Российской Федерации 37 330 636 человек или 25,7 % (в 1989 г.— 20,6 %). В результате падения рождаемости численность молодежи между переписями 1970 и 1989 гг. сократилась на 8 млн. человек, и эта тенденция продолжалась до 1995 г., когда начался медленный рост этой социальной группы (на 5,1 % с 1989 г.).

Увеличилась в составе молодых людей и доля 14–19-летних, составляя 2/5 к началу XXI в. Одновременно в структуре молодежи крайне мала возрастная группа в возрасте 14 лет (6,6 %), что может негативно сказаться на численности молодежи уже в ближайшей перспективе [2, 20–21]¹.

С переходом российского общества к новой модели развития наиболее ярко высветился целый комплекс социальных молодежных проблем.

Остановимся на этом более подробно.

¹ Попов В. Г. Изменяющаяся молодежь и образование // Модернизация системы образования в современной России: состояние, тенденции и проблемы: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. Ч. 10. Пермь: ПГУ, ПСИ, ПССГК. ПФ МАНПО, 2005. С. 20–21.

Прежде всего, необходима новая теоретическая основа, новая парадигма в изучении социальных молодежных проблем. В исследованиях проблем молодежи в бывшем СССР долгие годы использовался традиционный подход, отличительной чертой которого была идеологическая направленность. Молодежь рассматривалась преимущественно как объект воздействия КПСС, средство решения возникающих в обществе проблем. Она все более отодвигалась на периферию социальной жизни. Происходила откровенная эксплуатация лучших качеств молодежи — энтузиазма, инициативности, энергичности, идеализма, что не могло не вызвать с ее стороны соответствующую реакцию.

Многие проблемы молодежи анализировались преимущественно сквозь призму классового подхода, что зачастую приводило к приукрашиванию реального положения молодых людей в стране.

До сих пор в общественном сознании широко распространено понимание молодости как времени подготовки к жизни, т. е. вольно или невольно игнорируется, что молодость — это жизнь. Как следствие, недооценивается самостоятельность молодежи, переоценивается воспитательная роль окружающей среды. Это создает питательную почву для формирования, распространения и укоренения в сознании молодежи инфантилистских, иждивенческих настроений.

Молодежь — важнейший индикатор происходящих позитивных процессов и социальных патологий.

В настоящее время существует большое количество молодежных социальных проблем. Наиболее острые и актуальные их них объединим в несколько групп.

1. Социализация и становление социально зрелой личности молодого человека. Сложность решения этой проблемы заключается в том, что ныне частично или полно-

стью прервана преемственность между поколениями, усиливаются нигилистические оценки жизненного пути старшего поколения, его опыта, исторического прошлого. Это ведет к обострению противоречий между поколениями, к девиантному поведению.

Последние исследования социологов, психологов, педагогов неопровержимо доказывают: положение молодых людей (*подростков*) в семье, школе, обществе сегодня становится все более и более дискомфортным. Они во многом беззащитны как граждане. По данным министра внутренних дел РФ по самым приблизительным подсчетам, в России более 700 тыс. детей-сирот и два миллиона неграмотных подростков. Такого масштаба беспризорности нет даже во многих развивающихся странах¹.

По количеству подростковых самоубийств наша страна занимает первое место в мире. Суицид как способ решить все жизненные трудности в нашей стране принял характер эпидемии. Ежегодно более 55 тыс. человек добровольно уходят из жизни. По мнению социологов, цифры официальной статистики значительно ниже реальных цифр. В нее включены только явные случаи. Никем не фиксируются случаи неудачных попыток ухода из жизни, количество которых в 7–10 раз больше состоявшихся самоубийств².

Эти явления свидетельствует о хищническом отношении общества и государства к самому ценному — человеческому капиталу.

В результате еще более обостряется противоречие между интересами общества и значительной части молодых людей, которое приобретает характер устойчивой тенденции.

¹ Женин П. Налоговая амнистия: «за» и «против» // Российская газета. 2005. 23 сент. С. 9.

² Былинский В. Эпидемия суицида захватывает Россию // Мир новостей. 2005. № 29. С. 3.

Так, общество в условиях демографического кризиса объективно заинтересовано в приросте населения. Молодые же люди заинтересованы в обратном: они хотят избежать проблем, связанных с рождением ребенка, и которые они решить без помощи общества и государства не в состоянии.

2. Проблемы труда, занятости и профессиональной подготовки. От успешного решения этих проблем зависят полнота раскрытия и самореализации личности, ее социальный статус, т. е. место и положение в обществе, степень удовлетворения материальных и духовных потребностей.

В СССР трудоустройство и профориентация были нацелены прежде всего на потребности народного хозяйства и уже потом на интересы молодого человека. Молодые люди, которые были ориентированы на творческое самовыражение, оказались в условиях, никак этому не способствующих. Низкая зарплата, неустроенность быта, отсутствие профессиональной перспективы — все это привело к тому, что многие наиболее трудоспособные специалисты покидали сферу производственной деятельности. Сейчас ситуация мало изменилась. Социологические исследования свидетельствуют о падении интереса к труду по сравнению с 60-ми годами XX в. почти в два раза. Кстати, снижение интереса к трудовой деятельности происходит и в других странах. Но в России несколько иная ситуация. Сегодня в стране чаще всего невозможно удовлетворить свои потребности даже за счет хорошей учебы, добросовестного и честного труда. Это приводит одних к дезориентации, неуверенности в себе, у других формирует циничное отношение к жизни, установку «деньги не пахнут», толкает к преступному, антисоциальному поведению.

Этому во многом способствует высокий уровень безработицы. В ряде регионов страны он недопустимо высокий и доходит до 80 % от экономически активного населения.

В этом одна из главных причин девиантного поведения молодежи. Посчитано, что увеличение безработицы на один процент дает два процента увеличения преступности. На 10 тыс. населения в нашей стране приходится 250–260 преступлений, совершенных молодыми людьми¹.

По данным российских специалистов по молодежной политике, уже ближайшее будущее предъявит и к молодым людям повышенные требования: именно молодежь станет основным трудовым ресурсом страны и на нее ляжет большая часть социального обеспечения нетрудоспособной части населения (коэффициент демографической нагрузки — количество нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособного населения — с 2005 по 2016 год вырастет на 20 процентов и составит 709 человек)².

В соответствии с этим прогнозом от молодежи потребуются значительно большая вовлеченность в жизнь общества, чем та, что мы наблюдаем сейчас. К сожалению, на сегодня, имеющийся кадровый потенциал используется крайне неэффективно. Так, среди дипломированных выпускников вузов лишь 10–15 % находят работу по специальности³.

3. Проблемы семьи и брака. Многие причины негативных явлений в молодежной среде обусловлены сложностями семейной жизни, особенно невниманием общества к молодым семьям. Внедрение рыночных отношений, усиление роли экономических рычагов приводит не только к позитивным явлениям, но и к росту безработицы среди молодежи, сокращению контактов в рамках семьи, к росту напря-

¹ Молодцова В. Как молодыми мы будем // Российская газета. 1998. 26 сент. С. 3.

² Соколова М. 80 копеек — на человека // Российская газета. 2005. 16 сент. С. 7.

³ Авербух В. Смотри в оба! // Российская газета. 2001. 27 июня. С. 1.

женности в них (за счет интенсификации труда, удлинения рабочего дня и др.), к деградации семьи. Статистика свидетельствует, что на 10 браков в последние годы приходится 7 разводов. А 30 % детей рождаются вне брака¹.

Молодая семья плохо защищена и от других превратностей рыночной экономики. Из-за низкого уровня жизни старшее поколение не всегда имеет реальные возможности оказать необходимую поддержку молодым людям, в частности финансовую.

4. Проблемы духовного, интеллектуального развития. Самое опасное в нынешнем состоянии российского общества, как считают некоторые известные социологи, не экономический и социальный кризисы и даже не конфликты, а то усиливающееся ощущение духовной пустоты, бессмысленности, бесперспективности, временности всего происходящего, которое захватывает все новые и новые слои россиян. Духовный нигилизм, охвативший современное российское общество, крайне опасен. Он ведет к обальному падению социальных и жизненных сил.

Несмотря на позитивные изменения в некоторых вопросах общественной жизни, российская молодежь в духовном, интеллектуальном плане все больше отстает от молодежи многих развитых стран. Ныне по этому показателю она занимает только 42-е место в мире.

Сокращается прием молодежи на бюджетной основе в государственные учебные заведения. Из-за высокой стоимости обучения в частных учебных заведениях значительная часть молодых людей лишается возможности продолжить образование, что не может не повлиять отрицательно на все стороны общественной жизни. Так, по данным руко-

¹ Дутьман П. Неизвестная молодежь // Российская газета. 2005. 31 марта. С. 8.

водителя Главного мобилизационного управления Генштаба Вооруженных Сил В. Смирнова, среди призванных в армию 54 % имеют отклонения по состоянию здоровья, 30 % — неполное среднее образование, около 40 % нигде не работали и не учились. Среди призванных в армию есть не умеющие ни читать, ни писать¹.

5. Проблема повышения общественной, политической активности молодежи. Формирование гражданского общества диктует необходимость повышения общественной активности граждан, в первую очередь молодежи.

Социологическое исследование, проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), показало, что общественные дела и политика — занятие для взрослых людей. Большинство опрошенных (66 %) не смогли припомнить ни одной современной молодежной организации. Это средний показатель. Так, молодежь от 18 до 24 лет лучше осведомлена о молодежных движениях — только 56 % не в курсе общественной жизни сверстников. Среди старшего поколения — кому за 60 — таких людей, естественно, больше: 76 % ничего не знают о молодежных организациях. Узнаваемость наиболее «раскрученного» нового молодежного движения «Наши» среди опрошенных составила всего 4 %. У остальных этот показатель еще ниже².

Следует отметить, что в последние годы усиливается деятельность молодежных организаций (движений) экстремистского характера. Среди них скинхеды, леворадикальные организации, (например «Русское национальное единство»), ваххабитская организация «Хизб-ут-тахрир» и другие. По мнению руководителей правоохранительных органов,

¹ Борисов Т. Экстремисты, на выход // Российская газета. 2004. 18 авг. С. 4.

² Костиков В. Как выправить качество семьи // Аргументы и факты. 2005. № 47. С. 3.

существующие молодежные группировки стали более агрессивны, организованы, политизированы, а некоторые из них находятся под влиянием преступных сообществ¹.

Решение перечисленных и других социальных проблем не может быть стихийным и неуправляемым. В этом деле особенно велика роль государства и общества в целом. Поскольку рынком движут сиюминутные интересы, государство призвано вносить необходимые коррективы в процесс социализации молодежи. Государственная молодежная политика — феномен долговременного действия. Именно отсутствие научно обоснованной государственной политики в России привело к появлению и росту некоторых сугубо молодежных проблем. Ничего кроме недоумения не может вызвать действия правительства РФ, закрывшего программу «Молодежь России»².

Направленность и содержание молодежной политики должны определяться, с одной стороны, отношением общества к молодежи, т. е. сложившимися представлениями о ее сущности, с другой — собственными представлениями молодых людей о своем статусе.

Многие государственные чиновники пока не осознали, что урезая статьи расходов на социальное развитие молодежи, экономя на ней, они тем самым еще более усугубляют сегодняшнее и будущее положение России. В этой связи можно привести интересный и поучительный исторический факт. Когда во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в правительстве обсуждался вопрос о сокращении бюджета образования, против этого выступил не кто иной, как военный министр России граф Милуков³.

¹ *Собеседник*. 2003. № 20. С. 2.

² *Комсомольская правда*. 2005. 14 окт. С. 5.

³ *Российская газета*. 1996. 22 февр. С. 4.

Конечно, нельзя не видеть некоторые позитивные сдвиги в отношении российского государства к социальному развитию молодежи. На федеральном, региональном и местном уровне разработано и внедряется множество самых разных программ. В центре и в регионах создаются молодежные общественные организации, движения и различные фонды.

С переходом к рынку, ростом имущественного расслоения стартовые условия у молодых людей стали разными. В такой ситуации крайне важно с малых лет увлечь детей идеей самоутверждения через посильную и разностороннюю деятельность, творческий поиск.

Сейчас перед обществом, государством стоит задача посредством продуманной, научно обоснованной молодежной политики создать благоприятные предпосылки для более полного раскрытия способностей молодых людей, помочь им в реализации социальных интересов, потребностей, жизненных перспектив. Это создаст необходимые стимулирующие условия не только для вывода России из ее сегодняшнего кризиса, но и во многом определит ее развитие в будущем.

Для целенаправленного и эффективного осуществления государственной политики важное значение имеет выделение в ней **основных приоритетов**.

К числу их можно отнести следующие:

- 1) соблюдение прав и свобод молодежи;
- 2) обеспечение гарантий в сфере труда и занятости подрастающего поколения;
- 3) поддержка молодой семьи;
- 4) гарантированное представление социальных услуг, создание благоприятных условий для развития талантливой молодежи;
- 5) поддержка деятельности молодежных объединений.

Главное в молодежной политике — выровнять возможности социального старта для различных категорий молодежи, создать условия для ее развития и самоутверждения.

М. Г. Суслов

ФАКТОРЫ ДЕФОРМАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О гуманизации и гуманитаризации образования много писали и пишут. Действительно, общественное развитие предполагает развитие гуманитарного знания, пропаганду гуманистических ценностей, выработанных человечеством. В разных странах, в том числе и в России, эта задача рассматривается как приоритетная. Отрицать ее приоритетность нельзя, но решение этой задачи отстает от запросов времени.

Что же мешает гуманизации и гуманитаризации образования в школе и в вузе? Факторов деформации гуманитарного знания и образования много. Главным из них является системный. Всякая общественно-политическая система по-своему деформирует гуманитарное обществоведческое знание. Так, феодальная система пропускала в систему образования и поощряла изучение только таких знаний, которые в благородном или приемлемом виде подавали феодальную систему, ее нравы, порядки, обычаи. Одновременно политическая система отторгала инородное, дофеодальное или нарождающееся буржуазное. Соответственно под

эту феодальную систему ценностей подгонялась и система образования.

Великая французская революция, положившая начало господству буржуазных отношений в мире, сменила шкалу ценностей. Теперь не короли и монархи стали объектом внимания, а вожди и партии; на авансцену истории выдвинулся народ, и он стал объектом пристального внимания науки. Система образования и гуманитарное знание перестроилось в соответствии с запросами системы.

В первой половине XX в. появилась Советская политическая система, и опять пошел процесс отрицания старого знания, насаждения новых приоритетов, новой системы ценностей. В конце XX в. произошел еще один поворот в общественно-политическом развитии России — переход к рыночным отношениям. Он потребовал переоценить старые ценности, пересмотреть старые оценки и выводы, сложившиеся в гуманитарной науке.

Смена общественно-политических систем, которые были и которые еще будут, порождает парадоксальную ситуацию, когда прошлое становится совершенно непредсказуемым. Никто не может предсказать, как будут оценивать обществоведы, представители гуманитарных наук давнее и недавнее российское, да и не только российское, прошлое. Если прошлое непредсказуемо, то как должны относиться к гуманитарным и, прежде всего, к обществоведческим наукам простые, неискушенные граждане? Конечно, с недоверием, что сегодня в России ощущается весьма отчетливо.

Фактором деформации является и неравномерность социально-экономического и политического развития отдельных стран и регионов мира. Глобальная мировая многоукладность в экономике и образе жизни народов усложняет понимание происходящих процессов. Почему, например,

сегодня терроризм стал не национальным, а международным явлением? Можно ли его одолеть? Политики и ученые дают неоднозначные ответы, что указывает на несовершенство обществоведческой науки, ее слабость и деформированность.

Обществоведческое и гуманитарное знание в современной России деформировано особенно заметно. И это естественно, так как Россия стала многоукладной не только в экономике, но и в сознании.

Сегодня в России воспроизводятся все когда-либо существовавшие уклады, начиная от родового, первобытно-общинного и кончая буржуазно-рыночным и советско-социалистическим.

Многоукладность влияет на разрушение старых обществоведческих теорий и на появление новых. Обозначилось преобладание плюралистических подходов. Гуманитарные дисциплины утратили теоретические и методологические скрепы, а с ними и хоть какую-то согласованность во взглядах и подходах.

На деформацию гуманитарного образования влияет и будет еще долго влиять социальный реванш. Речь идет о силах социального реванша советского и досоветского периодов истории. Коммунисты и монархисты прямо и косвенно деформируют и будут деформировать сферу гуманитарного образования. Даже если ввести запрет на профессии, к чему начинает склоняться даже демократический Запад, все равно силы реванша еще долго будут косвенно, а иногда и прямо, влиять на образовательный процесс в нашей стране.

Будет влиять на него и российская ментальность. Есть в ментальности россиян одна не очень хорошая черта — оплевывать прошлое, которая отчетливо прослеживается на протяжении многих сотен лет. Многие правители в про-

шлом приходили на трон после устранения, а иногда и убийства своего родственного предшественника. Естественно, вновь пришедшие стремились стереть или затмить в памяти народа деяния предшественников. Это стремление находило отражение в трудах летописцев тех лет и в системе образования.

Не стал исключением советский и постсоветский период истории. Пришел Н. С. Хрущев и смысл И. В. Сталина, пришел Л. И. Брежнев и смысл Н. С. Хрущева, пришел М. С. Горбачев и смысл Л. И. Брежнева, пришел Б. Н. Ельцин и смысл М. С. Горбачева. Смываем то по-одному, то всех вместе. Если смываются первыми лицами первые лица и их дела, то как быть рядовым представителям гуманитарной и обществоведческой науки. Только приспособливаться и угодничать перед тем, кто совершил очередное смывание.

На деформацию системы гуманитарного образования влияет и острая борьба интересов. В условиях глобализации и сверхконцентрации средств в одних частных руках или в руках одного государства появилась возможность нанимать и покупать пишущую и изучающую братию. Сегодня могут проплатить создание и издание школьных и вузовских учебников доброжелатели из-за рубежа. Крибл и Сорос, породившие в России многодетную семью «соросят», показали, что страна вполне могла бы обойтись и без своей истории, а историю России вполне можно заменить историей мировой цивилизации.

В условиях глобализации внешний фактор воздействия на гуманитарную и другие сферы очень значителен и будет усиливаться. Экономическая интеграция повлечет за собой интеграцию политическую и идеологическую. Система западных ценностей будет не только распространяться, но и навязываться всем странам мира как некий всеобщий стандарт.

Состояние гуманитарного образования будет зависеть и от культуры исследователя, преподавателя. Сегодня ее нельзя признать высокой. В области гуманитарной науки и в системе образования сегодня можно встретить кого угодно, с какими угодно взглядами и подходами. Но это само по себе еще не большая беда. Хуже — отсутствие системного взгляда на систему. Современное российское общество, да и мировое сообщество представляют собой весьма сложные системы со своими подсистемами. Для их познания необходим системный подход, а он показывает лишь слабые признаки жизни. Все большее число исследователей уходят от него в сферу изобретательства, новаций, мало что дающих для развития гуманитарного знания и образования.

Проблемы гуманитарного образования можно было бы считать временными, порожденными переходным периодом в истории нашего государства, но есть признаки того, что общество утрачивает запрос на системное гуманитарное знание и образование. Стремление войти в Болонский процесс явно обозначил эту тенденцию, а реальное вхождение породит новые проблемы в области обществоведческого знания и гуманитарного образования.

Б. И. Поварницын

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ

Официально установленные или традиционно укоренившиеся праздники, наряду с иными ритуальными действиями, имеют большое значение для патриотического

(гражданского) воспитания. Особенно важны в этом смысле праздники, долженствующие символизировать единство нации (юбилей основания государства, учреждения правящей династии, выдающейся военной победы, позволившей сохранить государственность и т. п.). В советской практике подобную роль должны были играть, в первую очередь, два праздника: 7 Ноября (по сути, день основания Советского государства, хотя такая формулировка в официальной пропаганде и не употреблялась) и 9 Мая. Недаром именно и только в эти дни проводились военные парады и демонстрации на Красной площади в присутствии высшего партийно-государственного руководства. В 2005 г. взамен 7 ноября установлена другая официальная дата, долженствующая также символизировать национальное единство — 4 ноября, день освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 г.

С целью выяснить отношение студентов к этим двум праздникам (4 и 7 ноября) на рубеже октября-ноября 2005 г. был проведен опрос студентов Пермского государственного технического университета (ПГТУ, 42 человека) и Пермского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета (ПИ (ф) РГТЭУ, 70 человек). Студентам было задано два вопроса: «Какой праздник мы будем отмечать 4 ноября?» и «Каково Ваше отношение к переносу праздника с 7 на 4 ноября?».

Ответы на первый вопрос распределились следующим образом (несколько опрошенных вообще не дали ответа):

- день народного единства — 12 человек (из них 10 смогли объяснить исторический источник праздника);
- день согласия и примирения — 49 человек;
- день Конституции — 4 человека;
- юбилей Октябрьской революции — 4 человека;

- день независимости — 4 человека;
- «просто выходной» — 3 человека;
- освобождение от монголо-татарского ига — 2 человека;
- иные неправильные ответы — 7 человек;
- не знают — 24 человека.

Доля правильных ответов у студентов ПГТУ была выше по сравнению с ответами студентов ПИ (ф) РГТЭУ (24 против 9 процентов). Бросается в глаза, что доля правильных ответов студентов первого и пятого курсов ПГТУ была практически одинаковой (24 и 25 процентов соответственно), хотя студенты-пятикурсники, тем более гуманитарного факультета, казалось бы, должны быть более осведомлены о текущих событиях.

Таким образом, более или менее правильное название праздника дали чуть более одной десятой студентов (точные формулировки, как и при других ответах, варьировались, однако для нас было важно, чтобы студенты передали суть события), еще меньше смогли объяснить повод установления государственного праздника. Почти половина (44 %) студентов указала старое название дня 7 ноября («День согласия и примирения»), при этом двое указали одновременно и «единение», и «согласие и примирение». Очевидно, что в сознании студентов эти формулировки перемешаны, а представление о причинах появления нового праздника практически отсутствует.

Ответы на вопрос об отношении студентов к переносу праздника демонстрируют еще большее, хотя и своеобразное, единство мнений (часть опрошенных не дала ответа, в некоторых ответах совмещались различные варианты):

- отношение положительное — 17 человек (в том числе двое обосновали это необходимостью «восстановления исторической памяти»);

- отношение отрицательное — 30 человек (в том числе семеро аргументировали ответ необходимостью «сохранения исторической памяти»);
- отношение нейтральное — 54 человека (практически все, кто как-то прокомментировал свой ответ, высказались в смысле «лишь бы был выходной»);
- «нет отношения» — 12 человек.

Таким образом, 59 процентов опрошенных остались незатронутыми пафосом смены праздника (62 процентов в ПГТУ, 54 процента в ПИ (ф)), хотя и выразили это по-разному. Показательно, что лишь 19 процентов из числа оставшихся нейтральными как-то аргументировали свою позицию, причем доля аргументированно одобряющих перенос праздника (12 процентов) почти вдвое ниже доли его аргументированно отрицающих (23 процента).

Разумеется, не могут не радовать по-настоящему развернутые и обоснованные ответы, в которых аргументировалась необходимость сохранения исторической памяти россиян. Однако таких ответов было только три. В качестве примеров приведем несколько выдержек из них:

- «7 ноября отражает настроение народа в начале XX века, когда перед ним (народом) стояла задача резко улучшить свое положение. 4 ноября — символ стойкости русского народа перед интервенцией. Значит, обе даты весьма значимы»;
- «7 ноября — тоже большой праздник, День Революции. Где бы мы были, если бы не революция? Батраки? Или кто-то еще?»;
- «Власть пытается не дать нам вспомнить об истинном значении даты 7 ноября. Правительство нашло прекрасный выход — усыпить бдительность, убить память... не лишать народ лишнего выходного, просто

перенести дату того, что когда-то было праздником... Пусть 7 ноября останется днем преданной революции. Мы помним о ней. Преданная революция ведет к новой революции».

Полученные ответы говорят не только о повальной индифферентности студентов к причинам установления государственных праздников, но и о более серьезной проблеме — о непонимании студентами официального объяснения этих дат. Это, в свою очередь, свидетельствует о неспособности государства аргументированно объяснить, почему «нужно» праздновать ту или иную дату, то есть о недостаточной «самоидентификации» государства. Разумеется, для поколения сегодняшних студентов, выросших после советской власти, юбилей Октябрьской революции не несет такой эмоциональной нагрузки, как для старших членов их семей. Однако нужно признать, что это событие было дополнительно усилено крайне неудачным пропагандистским ходом 1990-х гг. — переименованием юбилея революции в День согласия и примирения. Никакого убедительного объяснения такому переименованию в свое время дано не было, а с точки зрения обыденного сознания, любая революция всегда является моментом борьбы и раскола общества и к примирению отношения иметь не может.

С другой стороны, и выбор даты 4 ноября не был подкреплен необходимой пропагандистской кампанией, а с точки зрения исторической достоверности является откровенно ошибочным. Разумеется, при желании можно найти в составе ополчения Козьмы Минина некоторое количество российских «мусульман» (возможно, также иудеев и представителей иных конфессий). Однако любому историку ясно, что вклад их был, во всяком случае, не большим, чем вклад «инородцев» в исход Куликовской или Бородинской битвы. Польский отряд, от которого ополчение «освобождало»

Москву, был приглашен туда легитимной на тот момент российской властью при активном участии высшего церковного иерарха — патриарха всея Руси Филарета. Таким образом, ни пафос «единения», ни пафос «освобождения» не находят исторического подкрепления. Роль основного государственного праздника, в принципе, мог бы сыграть юбилей утверждения династии Романовых, трактуемый как дата восстановления государственности после гражданской войны («Смуты»). Однако временная удаленность этого события обрекает его на такую же «непонятность» для нынешней молодежи, как и «изгнание поляков», а массивная православно-монархическая пропаганда, необходимая для установления подобной праздничной даты, явно противоречит как массовым настроениям россиян, так и официальному светско-республиканскому характеру современного российского государства. Кроме того, это был не первый и не последний в отечественной истории случай восстановления единой государственности; в этом смысле Земский собор 1613 г. вполне равен по значимости образованию СССР или принятию Иваном III титула «Государь всея Руси».

Еще раз подчеркнем, что неспособность государства аргументировать прошлые или нынешние праздничные даты свидетельствует о глубоком идейном кризисе, в котором пребывала и пребывает российская власть. Качания от официального антикоммунизма к нежеланию обидеть чувства «советских людей», от официальной секулярности к не менее официальному установлению перечня «традиционных конфессий» являются прямыми причинами студенческих ответов в стиле «лишь бы выходной». Дополнительным примером упомянутого кризиса является и отмена официального празднования дня Конституции.

Нужно признать, что вообще крайне сложно найти в отечественной (да и в мировой) традиции официально закрепленный праздник, который не служил бы в какой-то

мере разъединяющим общество фактором. Однако, во-первых, это разъединяющее влияние в значительной мере можно парировать умелой пропагандой. Можно сослаться на пример Соединенных Штатов Америки. При наличии официально пропагандируемого идеала WASP, при том, что вступающий в должность Президент (как и свидетели в суде) клянется на Библии, в бытовых календарях и деловых ежедневниках в обязательном порядке перечислены Рош Хашанна, Йом Киппур, Кванза, Чусеок и многие другие праздники, имеющие различные религиозные или этнические корни.

Во-вторых, вполне возможен выбор «наименьшего зла» — даты, обладающей наименьшим разъединяющим влиянием. В отечественной традиции последних десятилетий таковой, безусловно, является 9 мая — символ «доминантного мифа» зрелого советского общества. Эта дата сравнительно близка к сегодняшнему дню во времени, в течение нескольких десятилетий она имела мощнейшее пропагандистское обеспечение, она отражает действительно массовый, «всенародный» порыв, она слабо связана с особенностями государственного устройства и идеологии, она может, наконец, в какой-то мере претендовать и на роль «восстановления государственности». В силу этих и многих других причин она обладает несравненно большим эмоциональным воздействием, нежели 4 ноября или 12 июня.

Возвращаясь к вопросу о патриотическом воспитании, нужно подчеркнуть, что неопределенность и даже некоторая несерьезность отношения государства к своим собственным ритуалам и праздникам разрушительно влияет на формирование патриотических чувств молодого («послесоветского») поколения, на целенаправленную деятельность по патриотическому воспитанию. Если понимать патриотическое воспитание не в убогом смысле «военно-патриотического», а комплексно, как синоним воспитания гражданственности, то это отрицательное влияние может проявиться

во множестве самых разных областей жизни — от непонимания необходимости творческого, производительного труда до непонимания необходимости соблюдать государственные законы включительно.

А. Б. Шапиро

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ — ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Эффективная работа с молодежью должна опираться на научное осмысление особенностей бытия и поведения этой социально-демографической группы. Долгое время молодежь изучалась в плане изменения ее ценностных ориентаций, молодежной субкультуры, андеграунда, бардовской песни как противовесам официальной идеологии. Место молодежи в системе социальных отношений достаточно хорошо изучено благодаря исследованиям И. С. Кона, С. Н. Иконниковой, В. Т. Лисовского, Л. Я. Рубиной, Ю. Р. Вишневого. Большой вклад в изучение проблем молодежи внес сектор социологии молодежи ИСИ РАН под руководством В. И. Чупрова.

Между тем, пока в рамках социологической науки изучались демографические и профессиональные особенности молодежи, ее романтически-бунтарские настроения и субкультура, профессиональная ориентация и ценности, страну захлестнула волна молодежного алкоголизма и наркомании, преступности и проституции. Отклоняющееся (девиантное) поведение заняло огромную нишу в ряду социальных явлений современной российской действительности.

Девиантное поведение молодежи становится проблемным полем социальной теории риска. Россия в целом давно стала страной высоких рисков — экологических, экономических, психогенных. Не менее активно идет рост социальных и социально-психологических рисков.

Задача всех цивилизованных стран — снизить риск существования человека в современном обществе, оградить его от насильственной смерти, тяжелых болезней, шоковых последствий экономических кризисов. В России витальные риски слишком велики. Они связаны с ростом числа самоубийств, смертностью от неестественных причин, травм, отравлений алкоголем, наркотиками. Под рискованным поведением обычно понимают поведение социальных субъектов в обстоятельствах, связанных с неопределенным результатом. Риск — это непредвиденные последствия поведения человека (или другого субъекта — группы, социального слоя).

Фактором социального риска является отсутствие уверенности индивидов в своей безопасности, с одной стороны, и формы поведения, создающие угрозу этой безопасности, с другой. Одним из общих признаков рискованного поведения является его деструктивность — разрушительность. К разрушению здоровья, отношений, личности, социального порядка приводят различные виды и формы девиантного поведения.

Отклоняющееся поведение выражает социально-психологический статус личности на оси «норма — патология». «Девиация — это отклонение от нормы, рассматриваемое большей частью членов общества как предосудительное и недопустимое»¹.

¹ *Социология молодежи: Учеб. пособие* / Под ред. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2001. С. 479.

Следует заметить, что девиантное поведение не является специфической формой взаимоотношения молодежи с обществом. Возрастные и половые различия здесь весьма условны. Во всех социальных и возрастных группах существуют поведенческие девиации, но именно молодежь вызывает наибольшую тревогу. Это социально-демографическая группа переживает становление социальной адаптации, вхождение в мир взрослых. В молодости завершается физическое созревание и достигается социальная зрелость. Переходное состояние — это важнейшая характеристика молодежи. «Молодежь — большая общественная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется как возрастными особенностями молодых людей, так и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находятся в состоянии становления, формирования»¹.

Самочувствие молодежи — индикатор серьезных социальных процессов и патологий. Глубокий кризис нашего общества наиболее остро отражается именно на ней. Внутри каждой из групп молодежи соседствует нищета и достаток, безответственность и деловитость, накопительство и расточительство. Отсутствие гражданского общества, кризис системы образования, нестабильность экономики, безработица создают для молодых людей дополнительные жизненные трудности, генерирующие девиантное поведение.

Так, социальные факторы усиливают биологические, субкультурные, семейные, интрапсихические факторы риска возникновения девиации (переходный возраст, сильное влияние дружеского общения, воздействие идеалов видео-

¹ *Энциклопедический социологический словарь*. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 421.

и теле-продукции, стрессы, недостаточная способность критически оценивать ситуации, семейные конфликты, отсутствие знаний способов решения тех или иных проблем).

Наиболее рискованными формами девиантного поведения молодежи специалисты считают следующие:

- аддикция — использование каких-либо веществ или специфической активности с целью ухода от реальности и получения желаемых эмоций;
- антисоциальность — нарушение законов и прав других людей, аморально-безнравственное поведение;
- суицидное поведение — повышенный риск самоубийства;
- конформизм — поведение, лишённое индивидуальности, ориентированное на внешние авторитеты;
- нарциссизм — чувство собственной грандиозности;
- фанатизм — слепая приверженность какой-либо идее или взглядам;
- аутизм — отгороженность от людей, действительности, погруженность в мир собственных фантазий.

Разумеется, эта классификация не является ни исчерпывающей, ни единственной. Трудности классификации девиантного поведения связаны с междисциплинарным характером проблемы (здесь пересекаются и медицина, и психология, и педагогика); среди других причин сложности классификации можно назвать неопределенность самого понятия «норма».

Социальная норма закрепляет исторически сложившийся в конкретном обществе интервал дозволенного поведения, снижая тем самым риск для личности, социальной группы и организации. Ну, а если сами социальные нормы размыты, не действуют, не соответствуют позитивному развитию общества? В этом случае формируется социаль-

ный тип, который далек от идеала нормативной личности. В нестабильных обществах подобный «модальный» тип личности легко трансформируется в девиантный.

Особую трудность здесь представляют и сами свойства социальной нормы — относительность и динамичность. Мода, полоролевое поведение, отношение к алкоголю и наркотикам меняются буквально на глазах и, к сожалению, в сторону либерализации негативных аспектов этих явлений.

Подобные свойства социальных норм «...порождают в индивидуальном сознании негативные чувства — от простого непонимания до открытого протеста»,— считает, например, психолог Е. В. Змановская¹.

К сожалению, сегодня в обществе нет четкого отношения к самому девиантному поведению с точки зрения его нормативности. Время рождает все новые и новые формы отклонений: бродяжничество, нежелание подростков учиться, распространение азартных игр и т. д.

Рамки статьи позволяют остановиться на двух формах рискованно-девиантного поведения молодежи — наркомагической и сексуальной. Если о наркомании сегодня пишут много, то проблемы сексуального поведения молодежи ханжески обходятся молчанием, если не считать большого количества назидательно-педагогической литературы весьма абстрактного содержания.

Не рассматривая специально в рамках данной статьи проблему молодежной преступности, выделим особо опасные формы поведения современной молодежи — наркоманию и сексуальную распущенность. Представляется, что в социологическом плане более корректно употребление термина «наркопотребление», т. к. наркомания — это

¹ Змановская Е. В. Девиантология. М.: Гудапильский центр «Академия», 2003. С. 18.

медицинский диагноз. Наркопотребление — это определенная форма аддиктивного поведения, о котором говорилось выше. Аддикция подразумевает рост привыкания к средству, которым злоупотребляют. Это вызывает постоянную озабоченность молодых людей необходимостью приобретения наркотического вещества, тягу к местам, где наиболее вероятна возможность употребления и приобретения (такими местами, заметим, чаще всего являются места молодежного досуга). Социальную опасность представляет сегодня и тот факт, что наркотики широко проникли в среду учащейся молодежи, в средние специальные учебные заведения и вузы. Так, по данным многочисленных социологических мониторингов, проведенных автором на базе Областного центра по профилактике СПИДа и инфекционных заболеваний, наркотические вещества «пробовали» от 30 до 50 % студентов пермских вузов.

Общеизвестно, что одним из значимых условий предупреждения девиантного поведения является организация досуга молодежи и подростков, т. е. времяпровождения вне учебной деятельности. Анализ форм проведения досуга школьниками и учащимися средних специальных учебных заведений показал нарастание в Пермской области общей неблагоприятной ситуации — сокращение форм активного, содержательного отдыха детей и подростков и преобладание безделья, телемании, «ничегонеделанья». На вопрос «Как Вы обычно проводите свободное время?» молодежь Прикамья разных возрастных групп и социальных статусов отвечает практически одинаково:

- занимаюсь в спортивной секции, кружке — 21 %;
- провожу время с друзьями — 80 %;
- люблю читать книги — 16–21 %;
- туризм — 13–19 %;

- смотрю телевизор, видео — 60–70 %;
- люблю просто гулять — 70 %.

Данные опросов наглядно свидетельствуют, что наиболее предпочтительными видами досуга являются «гуляние» и «общение с друзьями». Систематически читают книги лишь 16–20 % молодых людей. Большая часть молодежи не умеет интересно и с пользой организовать свой досуг. Во многом это связано с отсутствием хорошо налаженной действующей системы культурно-досуговых учреждений. Особенно остро проблема организации свободного времени встает в летний период, когда заканчивается учебный процесс и у учащейся молодежи появляется много свободного времени. Предоставленные самим себе, молодые люди большую часть времени проводят на улице, в компании друзей. Именно в этих обстоятельствах (по общероссийской статистике в 80 % случаев) происходит первое знакомство с наркотиками. Из опросов видно, что учащиеся связывают первые пробы наркотиков именно с бездельем. Такие причины приобщения к наркотикам, как «от нечего делать», «просто так», отмечают от 24 до 34 % респондентов. Хотя фактор безделья значительно уступает по распространенности в ответах таким факторам, как «любопытство» (66–70 %) и «предложение друзей» (31–41 %), — все это явления одного порядка — социальный риск адекватно организованного молодежного досуга.

Крайне настораживающим в приобщении к наркотикам в последние годы является фактор прямого насилия, достигающий 30 % всех случаев. В связи с этим важнейшим направлением профилактической работы должно явиться обучение молодежи общим жизненным навыкам и специфическим умениям, таким как умение не поддаваться нажиму сверстников, употребляющих наркотики, повышение

социальной компетенции подростков путем раннего их включения в различного рода молодежные программы.

Если ранжировать риск обстоятельств, при которых происходят первые пробы психоактивных веществ (ПАВ), то они распределяются следующим образом:

I место — «любопытство»;

II место — «предложение друзей»;

III место — «безделье», «различные неприятности» и «угрозы»¹.

Информированность учащихся и студентов о последствиях наркопотребления сегодня достаточно высока. Около 90 % респондентов знают о риске заражения ВИЧ-инфекцией и другими болезнями, о физической и психической зависимости от наркотических препаратов, но далеко не у всех знания перерастают в убеждение вести здоровый образ жизни, отказаться от курения, алкоголя, наркотиков.

Сегодня необходима постоянная социально-профилактическая работа по формированию здорового общественного мнения и правильного отношения молодежи к наркопотреблению. Наряду с тем, что 70 % молодежи выражают готовность влиять на своих друзей, говорить с ними о необходимости отказа от страшной привычки, лечения и профилактики, 30 % (в основном это студенты вузов) считают эту проблему недостаточно серьезной и личной проблемой каждого. Такая позиция крайне опасна в свете того, что практически у 2/3 молодых людей и девушек близкие друзья употребляют наркотики.

Аддиктивное поведение (в данном случае наркоманийное) стимулируется целым рядом факторов социального риска:

¹ *Результаты социологического мониторинга педагогов и учащихся о ВИЧ-инфекции и наркомании: Информ.-метод. материалы. Пермь, 2004. С. 8–9.*

- доступность в нашем обществе, городе, области широкого ассортимента психоактивных веществ;
- знание, осведомленность о том, где можно приобрести все это;
- наличие друзей, знакомых, сокурсников, употребляющих ПАВ;
- частое пребывание в местах, где происходит сам процесс наркотизации (бары, дискотеки, игровые клубы и др.)

Особую социальную опасность представляет тот факт, что наркоманийное поведение является групповым, «средовым» поведением, приобретающим массовый характер. По различным данным в России сегодня до 4 миллионов наркозависимых молодых людей. Всего же до 10 миллионов употребляют те или иные вещества, вызывающие зависимость. Наркопотребление поразило все слои российского общества и приобрело характер эпидемии.

Алкоголизация и наркоманизация приводят к тому, что все большее число людей обращается за психологической и наркологической помощью в лечебные учреждения страны. Так, в 2003 году общее число обратившихся составило более 7 миллионов 700 тысяч человек (7701,3 тыс.) или 5,4 % населения России, из них дети в возрасте от 0 до 14 лет составили 833 тысячи, подростки в возрасте 15–17 лет — 432 тысячи¹.

Серьезным фактором социального риска является способ наркотизации: среди молодежи России (в отличие от многих стран Запада) распространена самая опасная и злокачественная форма употребления наркотиков — инъекции, что приводит к росту ВИЧ-инфицированной молодежи.

Быстрыми темпами идет и феминизация наркомании в России. Сегодня число девушек, употребляющих нарко-

¹ *Здравоохранение РФ*. 2005. № 6. С. 13.

тики, достигает почти 30 %. Вряд ли стоит сомневаться в том, насколько это опасно для репродуктивного здоровья будущих мам, а также здоровья детей.

Девиантное поведение в сексуальной среде — мало изученная проблема, хотя деструктивность такого поведения очевидна: это не только социальная опасность проституции, но и распущенность в подростковом возрасте, проведение времени вне дома в поисках «физиологического» гедонизма. Гиперактивность в интимной сфере коррелирует с другими девиациями: снижением интереса к учебе, употреблением спиртных напитков, кражами, насилием и т. д. Социальной базой деструктивного поведения в интимной сфере является демонтаж культурных идеалов личности, отсутствие духовности, идейно-воспитательный вакуум. Не без помощи средств массовой информации происходит формирование агрессивной гиперсексуальной молодежи. Психологам хорошо известно, что в 2/3 случаев молодые «донжуаны», ведя свободный образ жизни, решают не столько свои сексуальные проблемы, сколько личные. Исследование Г. М. Тимофеева, проведенное среди студентов ПГМА, показало, что 5,7 % респондентов оценили свой первый сексуальный опыт как случайный, около 30 % вступили в интимные отношения под влиянием друзей и знакомых, а у более чем 14 % (!) первый половой контакт связан с насилием. Немаловажно, что под влиянием алкоголя в этот момент находилось около 30 % девушек и половина юношей¹.

По данным КСИ от 12 до 25 % молодых людей разных образовательных категорий начинают половую жизнь ранее 16 лет. Так, в 11 классе одной из пермских школ 80 %

¹ Тимофеев Г. М. Сексуальное поведение студентов и венерические заболевания // Социологические аспекты профилактики ВИЧ/СПИДа. Пермь, 1997. С. 16.

учеников уже имели сексуальный опыт. Ранний опыт в этой сфере коррелирует и с большим количеством случайных партнеров (от 5 до 10 в течение года).

Либерализация норм сексуального поведения, снижение возраста сексуального дебюта порождают проблему репродуктивного здоровья населения. По данным научных исследований среди основных причин бесплодия, которым страдают 15–20 % российских семей,— нарушение репродуктивной функции в подростковом возрасте, ранние аборты, высокая степень распространенности венерических заболеваний. В настоящее время идет быстрый процесс феминизации ВИЧ/СПИДа. По данным Минздрава, например, начиная с 2003 года в возрастной группе 15–20 лет среди вновь заразившихся число молодых женщин впервые в 1,5 раза превысило число мужчин¹.

Чтобы добиться изменений в поведении молодежи, сделать его менее рискованным (для себя и для общества в целом), сегодня необходимо обладать адекватными научными знаниями о тех девиациях, которые постепенно становятся нормами. Девиантное поведение выдвигает целый комплекс проблем по разработке стратегии и тактики, путей и методов организации и средств воспитания, дифференцированных в зависимости от той или иной молодежной субкультуры, в которой оно будет осуществляться.

Какими бы трудными ни были эти проблемы, модификация поведения вполне возможна при понимании того, что решения молодежных проблем лежат в совершенствовании всей системы государственной молодежной политики как на уровне принципов, так и на уровне конкретной деятельности.

¹ *Здравоохранение РФ*. 2005. № 5. С. 20.

Л. Н. Черных

РОЛЬ КАФЕДР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Перестроечные процессы, происходящие в нашей стране, и кризисные явления последних лет заостряют проблемы, связанные с воспитанием молодежи. Казалось бы, свобода, которую получило общество, должна создать оптимальные условия для формирования всесторонне развитой личности. Однако на практике получилось иное.

Возможно, ситуация не была бы такой острой, не касаясь она наиболее энергичной и перспективной части населения — молодежи. Невнимание к данной категории привело к теперь уже привычным, а еще недавно шокирующим явлениям — дерзким преступлениям, проституции, наркомании. Определенный процент недовольных находит радикальный ответ на превратности судьбы в добровольном уходе из жизни. Ищущие материального спасения — уезжают за границу, духовного — уходят в секты. Улицы наводнены потоком сквернословящих, курящих и пьющих юношей и девушек.

Подобная картина, а она, к сожалению, правдива, вновь вынуждает ставить вопросы: что делать? и кто виноват?

Причиной такого положения дел является то, что воспитание как комплексный процесс потеряло сначала свою идеологическую, а затем — духовную направленность, т. е. самое главное — цель. Произошла ломка основных социальных институтов, отвечающих за подрастающее поколение. Значительно деформировалась семья, за годы Советской власти успевшая основательно «забыть» свои главные функции. Исчезли общественные организации, координи-

рующие и воспитывающие молодежь. Школа, находясь в состоянии постоянного реформирования, уже не может отвечать сама за себя. Производственные коллективы в современных экономических условиях тем более не заинтересованы в воспитании, им нужен сформировавшийся, взрослый исполнитель.

В сложной ситуации оказались высшие учебные заведения, куда приходят учиться молодые люди. Во-первых, плохо работает механизм отбора абитуриентов. Во-вторых, платные формы дают возможность поступить в институт практически любому. В-третьих, высшее образование перестало быть элитным, опустилось до уровня специально-технического. В результате приходится иметь дело со студентами, не владеющими знаниями, умениями и навыками за курс средней школы, не знающими русского языка (не говоря уже о мировой и отечественной литературе или истории), не имеющими навыков самовоспитания.

Сегодня руководители и преподаватели вузов сталкиваются еще с одной проблемой — нестабильностью учебного процесса: меняются программы, сокращается количество часов и предметов, существует реальная угроза ликвидации образовательного учреждения, где они работают. Не удивительно, что процессу воспитания уделяется так мало внимания. Или не уделяется вообще (известны случаи, когда отсутствовала должность декана по воспитательной работе). На кафедрах, занятых чисто профессиональной подготовкой, оно свелось к формуле: студент должен стать хорошим специалистом. Возражений нет: данные качества важны и необходимы, однако не следует забывать, что высшая школа — резерв для будущих руководителей, элиты общества.

Особенно актуальной проблема воспитания является для вузов, готовящих работников социальной сферы. Выпускник медакадемии с отличным знанием анатомии и фи-

зиологии, не постигший души человека и сам не отвечающий моральным требованиям, вряд ли вызовет полное доверие у своего пациента. Между тем снижение нравственных критериев происходит и у студентов-медиков. Они также активно приобретают вредные привычки, предпочитают свободную любовь, выступают за искусственное прерывание жизни (аборт и эвтаназия) и многое другое. Правда, надо отдать должное: при обсуждении клятвы Гиппократата, а она является кодексом чести врача, подавляющее большинство пока придерживается древних принципов. Но это на словах: как происходит на самом деле, показывает практика. Еще одна проблема воспитания — дефицит ответственности за свои слова и поступки, формализм и лицемерие.

Итак, высшая школа оказалась в непростых условиях. Особенно трудными они стали для кафедр гуманитарных наук. В свое время кафедра истории ПГМА оказалась под угрозой закрытия, но здравый смысл возобладал, и теперь, хотя и без достаточной материальной базы, она работает. Подобная ситуация сложилась и у преподавателей философии, других гуманитарных дисциплин. А ведь в свое время, когда медицинская наука только зарождалась в России, она стояла в одном ряду с философией. Теперь, когда в стране снова тяжелые времена, мы должны обратиться к истории, показывающей нам путь возрождения.

В нашей стране существовал определенный слой людей, называемых интеллигенцией, которые остро воспринимали вопросы совести, чести и долга. Наиболее яркие её представители — Н. И. Пирогов, А. П. Чехов, И. П. Павлов и др.— выполняя свои профессиональные обязанности, прежде всего думали о благе народа. Приводя их в пример, мы даем возможность студентам постичь истинную природу человека, его роль и значение в жизни

общества. Изучая топографическую анатомию Пирогова, студенты узнают, что ее создатель рисковал своей жизнью во время Крымской войны. В результате знакомства с Чеховым выясняется, что он врачевал не только дух общества, но и лечил людей. И, конечно, откровением для студентов становится письмо Павлова, написанное будущему поколению.

Важно и то, что преподавание ведется высококласными специалистами, которые учитывают не только особенности вуза, но и отдельных его факультетов. Лекции докторов и кандидатов наук находят живой отклик у слушателей, дают им возможность с помощью дополнительной литературы подготовиться и выступить на семинарском занятии, высказать собственный взгляд на проблему.

В настоящее время на преподавателей кафедр общественных наук возлагается особая ответственность за воспитание молодежи. Связано это с тем, что они не только осознают пагубность сложившейся ситуации, но и могут повлиять на нее, используя возможности своих дисциплин, и таким образом в известной степени изменить положение вещей.

А. В. Бушмаков

ВЛАСТЬ И ШКОЛА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Несмотря на попытки модернизации школьной системы в России в пореформенный период, выразившиеся, прежде всего, в появлении реальных и технических училищ, а также женских гимназий, общая система среднего образования

оставалась во многом традиционной. В представлении власти учебные заведения, в том числе средние, должны были не столько давать образование, сколько воспитывать молодых людей как активных сторонников существующего строя, верных слуг «Бога, Царя и Отечества». Согласно взглядам одного из влиятельнейших сановников конца XIX века, осуществлявших государственную политику в сфере образования, К. П. Победоносцева, духовное и нравственное формирование граждан должно осуществляться при прямом участии государства и с точки зрения государственной идеологии.

Важнейшее место в деле воспитания школьников отводилось религии. Каждый день начинался с молитвы, число уроков Закона Божия в гимназиях в 1870–1880-е гг. превышало число занятий по таким предметам, как география и история, а после реформы 1890 г. оно еще увеличилось. Школьное начальство строго следило за тем, как учащиеся исполняют религиозные обряды (говеют, причащаются и т. д.).

Ежегодно отмечались все знаменательные даты — восшествия на престол, коронавания, рождения и тезоименитства царской фамилии. В эти дни в гимназической церкви в присутствии всех преподавателей и учащихся совершалась Божественная литургия и благодарственный молебен. Затем ученики собирались в актовом зале, где перед портретом государя исполняли гимн «Боже Царя храни», заканчивали торжество громогласным троекратным «ура». С 1889 года подобным образом праздновалось и 17 октября — день «чудесного спасения» императорской семьи от угрожавшей ей опасности при крушении императорского поезда на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге. Подобным образом отмечались и прочие важные моменты в жизни членов императорской фамилии, такие как «спасение драгоценной жизни Государя Наследника Цесаревича

Великого Князя Николая Александровича от угрожавшей опасности при покушении на Его жизнь в Японии» и его же благополучное возвращение из путешествия в 1891 году.

Торжественные молебны устраивались в гимназии и по другим, менее значимым поводам: например, 50-летию служебной деятельности министра народного просвещения И. Д. Делянова, в связи с кончинами министра внутренних дел графа Д. А. Толстого, попечителя Оренбургского учебного округа Д. С. Михайлова и других высокопоставленных чиновников ведомства народного просвещения¹.

Все эти усилия, однако, к началу XX века давали весьма слабый эффект: современники отмечали падение религиозности школьников, их скептическое отношение к традиционным ценностям и авторитетам, разного рода признаки «нравственного разложения» и «распушенности». Причиной тому во многом, видимо, являлся формальный подход к воспитанию учащихся, в целом характерный для дореволюционной средней школы: гимназисты, реалисты и семинаристы должны были посещать богослужения, знать молитвы, следить за своей униформой, вести себя «как положено» и не нарушать дисциплины и приличий. Что же на самом деле происходило в головах юношей и девушек, их наставников мало волновало. Следует отметить, что даже формального выполнения школьниками требуемых от них демонстраций уважения к религии и другим официальным ценностям в начале XX века удавалось добиться далеко не всегда. Так, в циркуляре попечителя Оренбургского учебного округа от 12 марта 1911 г. отмечалось, что далеко не все учащиеся посещают богослужения в воскресные и праздничные дни, а познания учащихся по Закону Божию

¹ Десять лет в жизни пермской мужской гимназии. Пермь, 1896. С. 29, 40–41.

«оставляют желать многого». Рекомендовалось организовывать из учащихся церковные хоры и поощрять тех, кто в них участвует¹.

Другой важной задачей школ того времени, несомненно, являлось приучение подростков и юношей к субординации и выработка определенно типа личности — усердной и дисциплинированной, т. е. не раздумывая подчиняющейся старшим. Средние учебные заведения в царской России во многом напоминали любое казенное учреждение — мундиры учеников и педагогов, классные чины преподавателей, жесткая субординация. Этот факт осознавали и сами школьники. По словам автора статьи в ученическом журнале «Наши думы», «Наша русская школа, особенно средняя, тем и отличается, что учителя в массе своей — чиновники, служащие только из-за жалования»².

Отношения между учеником и учителем — это отношения подчиненного и начальника. «Нашим начальством» в рукописных журналах учащиеся называют директоров и инспекторов учебных заведений. Отношение к «начальству» зачастую не отличается от типичной для чиновничье-мещанской среды смеси боязни, уважения и ненависти. В начале XX в. подобная система стала вызывать все большее неудовольствие не только у либерально настроенной части образованного общества, но и в среде самих учащихся. Так, школьник-автор заметки в рукописном журнале о ревизоре, посетившем Пермскую духовную семинарию, с нескрываемым злорадством говорит о «растерянности нашего начальства»; ему «мерзостно видеть, как эти внушительные люди, перекалечившие целые поколения духовной молодежи, дрожат перед каким-то чиновником», он ирони-

¹ ГАПО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 38. Л. 40.

² ГАПО. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 6.

зирует над некоторыми преподавателями, теряющимися перед ревизором, «как “образцовики” перед грозным папашей-ректором» и над самим ректором, в обычное время разыгрывающим из себя грозного владыку, а теперь смиренно отворяющим двери ревизору.

Были попытки применять и другие способы сделать гимназистов дисциплинированными и патриотичными, т. е. преданными слугами престола. С 1890 года в Пермской гимназии практиковались так называемые «военные прогулки», когда ученики под командой преподавателя военной гимнастики штабс-капитана В. Г. Вавилова в сопровождении директора, инспектора и преподавателей и с оркестром местного гарнизона совершали пешие марши с ранцами за плечами от гимназии до лагеря Пермского резервного батальона (три версты от города). В лагере они занимались играми и гимнастическими упражнениями, завтракали, а затем, также строем, возвращались в гимназию. По возвращении выстраивались в каре, оркестр исполнял гимн «Боже, Царя храни», по окончании которого гимназисты кричали «ура».

Внеклассная работа со школьниками в дореволюционных училищах проводилась, конечно, в гораздо более скромных масштабах, чем в советский период. Тем не менее со стороны властей прослеживаются попытки придать вечерам для учащихся «воспитательных характер», ни в коем случае не превращая их «в увеселительные мероприятия с танцами, приводящие к деморализации учащейся молодежи», ведущие «к порче, приучая учащихся к рисовке, развивая в них нежелательное самомнение». Рекомендуется организовывать хоры и оркестры, а также исторические чтения, чтения рефератов на историко-литературные темы, приурочивая их к каким-либо историческим датам, с целью развития «национально патриотического настроения»¹.

¹ Там же. Л. 42.

Как ни старались администрация школ и прочее начальство вплоть, до губернатора, изолировать школьников от разного рода «влияний», добиться этого было невозможно. Провинциальность и политическую неразвитость местного общества компенсировали ссыльные, попадавшие в Пермскую губернию и воздействовавшие на «неокрепшие умы». В действительности средние учебные заведения, а точнее, существовавшие при них общежития, где концентрировались наиболее демократические элементы, становились рассадниками революционных и либеральных идей и зачастую формировали характерный для пореформенной России тип личности интеллигента, находящегося по отношению к власти в открытой или замаскированной оппозиции.

Переломным в отношениях между властью и средней школой в Перми стал 1905 год. 14 мая 1905 года на улицах Перми произошли «беспорядки», связанные с попыткой провести собрание для учреждения неразрешенного властями Пермского отделения Всероссийского союза учителей. Самую активную роль в них сыграли учащиеся средних учебных заведений города. 18 октября, после опубликования в Перми Манифеста от 17 октября 1905 года, в большинстве средних учебных заведениях Перми прошли забастовки и волнения учащихся, приведшие к нарушению нормальной жизни школ и к остановке учебного процесса.

Забастовки отличались организованностью. Выдвигались требования демократизации системы образования, улучшения материального положения учащихся, отмены надзора над их частной жизнью, ее регламентации. Так, учащиеся реального училища подали администрации петицию из 23 пунктов, начиная от объединения реальных училищ и гимназий в одну единую среднюю школу и свободного доступа реалистов в университет и заканчивая свободой ученических сходок, выделением комнаты для курения

и увеличением ватерклозета. Под петицией подписались 168 учеников старших классов училища (с IV по VII), объявивших себя «примкнувшими к общему прогрессивному движению»¹.

Активнейшее участие школьников в бурных событиях 1905 года, их радикализм, готовность идти на нарушение закона всерьез обеспокоили, даже напугали, как местную, так и центральную власть. И если в октябре 1905 года действия чиновников Министерства народного просвещения выглядят противоречивыми и неуверенными, то в дальнейшем, получив указания сверху, они начали предпринимать все усилия, чтобы восстановить прежний порядок в подведомственных им училищах. Наиболее активные «смутьяны» из числа учащихся были выявлены и изгнаны, остальная часть продолжила учебу на прежних условиях.

Свободы, полученные в результате революции 1905 года, затронули и сферу среднего образования. Одним из наиболее важных новшеств стало образование родительских комитетов, разрешенных циркуляром от 25 ноября. К этому времени увлеченность гимназистов старших классов политикой уже привела к нарушению учебного процесса, поэтому одной из основных забот только что образованного родительского комитета в Пермской гимназии стало «возобновление дисциплины среди учащихся, расшатанной вообще в период общественного возбуждения после манифеста 17 октября 1905 года»². Характерно, что родительские комитеты проводили достаточно умеренную политику: очевидно, большинство родителей хотели, чтобы их дети получили аттестат.

¹ ГАПО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 243. Л. 74–76.

² Зверев А. В. Старейшее учебное заведение г. Перми. Пермь. С. 108.

В политике властей по отношению к школьникам растерянность вскоре сменило явное желание репрессиями усмирить недовольных и восстановить прежнее положение вещей. В циркуляре Самарского губернского жандармского управления, полученном в мае 1907 года начальником Пермского охранного отделения в связи с полученными агентурными данными о создании всероссийской организации «Союза учащихся социалистов-революционеров» с центром в Москве, говорилось, что Департамент полиции предлагает не затягивать наблюдения за существующими ученическими организациями средних учебных заведений, «ввиду того, что пропаганда в этой среде всегда имеет успех и заражает на долгие годы», а немедленно приступить к их ликвидации¹.

Документы канцелярии губернатора и охранки, хранящиеся в областном архиве, показывают, что некоторые гимназисты не просто увлекались радикальными идеями, но и всерьез принимали участие в деятельности нелегальных обществ. Благо, в Перми уже существовала некоторая традиция: еще в 1860-е гг. в духовной семинарии существовал революционный кружок, имевший даже подпольную типографию. В большинстве случаев участие в революционных организациях было характерно для молодых людей уже далеко не детского возраста, и, очевидно, такая деятельность происходила в скрытых формах. Тем не менее имелись случаи, когда гимназисты — члены революционных организаций вели пропаганду в стенах гимназии, организовывали там акции против начальства.

Примером может служить конфликт между учениками 6-х классов Пермской мужской классической гимназии и преподавателем русского языка и словесности А. А. Нава-

¹ ГАПО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 103. Л. 1–6.

шиным в декабре 1908 года. 13 декабря ученик шестого класса, сын статского советника Лев Королев передал Навашину письмо, в котором от имени учеников 6-х классов были изложены претензии к нему как педагогу и ему рекомендовалось оставить службу в гимназии. Навашин отказался принять письмо, в результате чего оно оказалось у директора гимназии, поспешившего известить о нем полицию.

В письме от имени учеников 6-х классов преподавателю предлагалось «уступить место другому человеку, который бы действительно мог бы дать знания». Ровно через месяц на уроке Навашина в 6-м классе все ученики молча встали, поклонились и вышли из аудитории. Организатор акции Лев Королев в период революции 1905 года успел принять участие в нападении на Азовский банк в Харькове, но по малолетству был освобожден от уголовной ответственности. В Перми Королев, по сведениям жандармского управления, примкнул к анархистам-коммунистам под кличкой Безымянный. В гимназии им была организована «Активная группа для борьбы с начальством», деятельность которой и лично Льва Королева «волновала окружающую его молодежь»¹.

В конце января 1909 года в коридорах гимназии были разбросаны листки с гектографически размноженным текстом обращения «активной группы» под девизом «Цель оправдывает средства». В обращении говорилось: «Положение, создавшееся благодаря последним циркулярам министерства и приказам нашего ближайшего начальства заставило нас организовать активную борьбу с ним. Последние события в стенах гимназии доказали необходимость тесного единения. Организация масс как таковых, на основании опыта прошлого 1907/8 учебного года (“Союз учащихся”) является невозможной. Приходится обратиться

¹ ГАПО. Ф. 65. Оп. 5. Д. 218. Л. 1–4.

к другим средствам — таковым является “Группа активной борьбы с репрессиями начальства”. Организованная по программе анархических, группа настоящим объявляет начало своей деятельности: непримиримую борьбу с формализмом, ставит девизом своим школу избавление ее от вредных элементов. Террор — за террор; насилие за насилие». Дело гимназиста Льва Королева, которым непосредственно занимался Пермский губернатор, закончилось тем, что учитель Навашин был заменен другим преподавателем, а на квартире Королева жандармы провели обыск. Несмотря на то, что тайники, обнаруженные в его комнате, оказались пустыми, он был арестован и заключен под стражу¹.

Многочисленные случаи участия школьников в терактах в период революции 1905 года говорят о том, что слова листовки не были пустой угрозой. В Пермской губернии по делу Александра Лбова, совершившего вместе со своими боевиками ряд на шумевших экспроприаций, проходили в числе прочих и учащиеся гимназий, обвинявшиеся в оказании помощи знаменитому террористу. Характерный для подросткового возраста бунт против авторитета взрослых в годы революционного брожения получил прекрасную возможность реализоваться в форме радикальной политической активности.

Обеспокоенные ситуацией с учащимися города, жандармы в том же феврале 1909 года проверили и духовную семинарию, где в 1907 году были «довольно сильные волнения». Однако, как сообщалось в рапорте начальника охранного отделения ротмистра Сизых, «... в настоящее время в Пермской духовной семинарии среди педагогического и административного персонала лиц, которые бы проводили среди семинаристов убеждения идущие против существ-

¹ Там же.

вующего строя, не имеется [...] лица, возбуждавшие [...] волнение, уже исключены, и несколько из неблагонадежных преподавателей уволены»¹.

В революционном движении участвовали и девушки-гимназистки. Вот характерная цитата из письма такой юной революционерки: «Гимназию мне вряд ли придется кончить, почему кассацию подавать нет смысла, приговор войдет в силу еще далеко до конца учебного года [...] Скорей бы кончился пролог к моей жизни и началась бы сама жизнь. Мать едет с Анютой в ссылку, я в половине мая сажусь в тюрьму, а потом спустя полгода начнется жизнь; скорей бы только матери со мной не было. Она хорошая у меня, но все же меня шибко она связывает. Тяжело видеть ее постоянные тревоги»².

Больше всего претензий у пермской охраны и жандармов имелось к частной женской гимназии Барбатенко, директриса которой, как и несколько учителей оказались в центре внимания полиции поле событий 14 мая 1905 года. Ученицы и выпускницы гимназии проходили почти во всех делах о революционных сообществах, возникших в течение 1907 года в Перми. Они же в этот период являлись, по мнению жандармов, главными руководителями Пермской военной организации Российской социал-демократической рабочей партии; при ликвидации типографии Пермского комитета РСДРП были задержаны на собрании, руководимом одним из представителей комитета, 11 гимназисток гимназии Барбатенко. В полицейской переписке констатировалась «крайняя нравственная распущенность» учениц этой гимназии³

¹ ГАПО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 385. Л. 12–13.

² Там же. Оп. 2. Д. 124. Л. 15–15 об.

³ Там же. Оп. 3. Д. 239. Л. 13–13 об.

Можно констатировать, что «верноподданническое воспитание» учащихся средних учебных заведений, проводившееся формальными средствами, как правило, не давало реальных результатов. Школьные педагоги и инспектора не могли серьезно повлиять на отношение школьников к власти и событиям в стране. Оно формировалось, очевидно, под влиянием ряда других факторов: прессы, мнения старших товарищей и родителей, революционной пропаганды. Конечно, далеко не все учащиеся старших классов сознательно выступали против существующего строя и его защитников. В период спада и окончательного подавления революции большая часть школьников потеряла интерес к политической жизни.

Можно вполне определенно говорить о разрушении системы традиционных ценностей и норм, происходившем у значительного количества школьников, несмотря на все старания официальных властей, инспекторов и педагогов. Характерным примером является заметка «Как я сделался атеистом», с подзаголовком «Рассказ семинариста», опубликованная в уже неоднократно цитировавшемся рукописном ученическом журнале «Наши думы». Ее автор рассказывает о своей эволюции — от наивного набожного ученика духовного училища, до семинариста, прочитавшего брошюры «Христианство и социализм» и «Моисей или Дарвин», и осознавшего, что «современная религия — это шарлатанство, которым пользуются духовенство, мороча темный люд»¹

Следует отметить и особую специфику рассматриваемой исторической эпохи — времени коренного перелома во всех сферах жизни российского общества. Период взросления со всеми сопутствующими ему личными кризисами совпал у школьников начала XX в. с временем глобального

¹ ГАПО. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 52 об.–53 об.

общественного кризиса, эпохой отторжения традиционных норм и ценностей. Бунт против взрослых — учителей и родителей — органично переходил в бунт против общественных устоев, участие в подпольной революционной деятельности. Сошлемся на мнение исследовательницы революционного террора в России Анны Гейфман: «При изучении причин участия несовершеннолетних в экстремистской деятельности нужно принимать во внимание и естественное для этого возраста стремление определить себя как личность, непохожую на других, со своими собственными ценностями и мировоззрением. Этот процесс обычно включает в себя принятие чужой системы ценностей. В 1905 года атмосфера хаоса и нестабильности как в политике, так и в других областях человеческой жизни благоприветствовала бунтарству подростков: традиционные ценности подвергались переоценке и их легко можно было заменить радикальными идеями, распространенными среди взрослых. Стремление подростков найти себе место в быстро меняющемся мире путем участия в революции усиливалось путем прославлением в левой прессе наиболее крайних форм борьбы, таких как террор и экспроприации. Романтизированный образ героического борца за свободу, представляемый в этих газетах особенно нравился молодежи».¹

Можно добавить, что атмосфера нестабильности была характерна для России не только в 1905 году, но и в последующие годы: шел процесс разложения традиционного общества со всеми его институтами — патриархальной семьей, сословностью, церковью и др. Старые нормы и ценности еще формально существовали, но уже воспринимались как анахронизм, новые были расплывчаты и не закреплены, а зачастую и просто отторгались.

¹ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997. С. 243.

Важным представляется еще одно обстоятельство: заметно изменившийся по сравнению с XIX в. социальный состав учащихся средних учебных заведений, в начале XX в. уже отнюдь не элитарный. В становлении личности большинства пермских гимназистов и учащихся других средних учебных заведений играла роль и окружавшая их достаточно брутальная среда, где пьяная драка, ругань или поножовщина были достаточно заурадными явлениями, а власть олицетворял городской.

Нельзя забывать, что в отличие от предшествующего времени (вплоть до второй половины XIX в.), когда окончание среднего учебного заведения обеспечивало выпускнику определенный статус и возможность сделать карьеру, в рассматриваемый период выпускник классической гимназии, реального училища или семинарии находился только в начале пути к достижению достойного уровня жизни и места в обществе, которое аттестат далеко не гарантировал. С увеличением количества выпускников гимназий, реальных и технических училищ неизбежно падал престиж среднего образования, уже не являвшегося в начале XX в. достоянием небольшой группы избранных. Обсуждавшиеся на страницах либеральных изданий того времени идеи радикальной модернизации системы образования не могли не найти отклик у выпускников и учащихся старших классов средних учебных заведений, заинтересованных в свободном выборе будущей профессии и в возможности достижения высокого социального статуса.

Наконец, как показывают рукописные журналы учащихся начала XX в., многие из старшекласников были достаточно сознательными людьми, следившими за политической жизнью, знакомыми с либеральными и революционными идеями и в той или иной степени их усвоившими. Воспринятые ими от родителей, старших братьев и товари-

щей ценности нарождающегося гражданского общества вступали в конфликт с традиционной системой царских училищ, где школьнику, зажатому строгими рамками дисциплинарных правил, полагалось беспрекословно подчиняться воле начальства и воспроизводить практики, унаследованные от предшествующей исторической эпохи, несмотря на их зачастую явный анахронизм.

Власти же, с одной стороны, не могли не понимать необходимости модернизации средней школы, с другой стороны, так и не решились на коренное реформирование системы среднего образования, сложившейся в России в XIX в. Причинами бурно проявленного недовольства учащихся было объявлено дурное влияние отдельных личностей из числа учителей и некоторых школьников, оказавшихся в неподходящей среде. Инспектора и преподаватели большинства провинциальных гимназий и других средних училищ, побуждаемые местными властями и непосредственным начальством, серьезно озабоченным ситуацией, отторгли из своей среды активизировавшихся было в 1905 году вольнодумцев и прогрессистов и сплотились, заняв явно консервативные позиции. Вызванные революцией и начавшие было проводиться под давлением либерально настроенной части общества попытки реформирования среднего образования, с изменением общей ситуации в стране были утоплены в бюрократической волоките чиновников в мундирах Министерства народного просвещения.

А. В. Чашухин

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА 1950-х — НАЧАЛА 1960-х гг. В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМИ (МОЛОТОВА)

В статье речь пойдет о месте и роли школы в процессе урбанизации. Для таких городов, как Пермь, началом становления городской культуры и городского пространства следует считать 1950-е гг. Это десятилетие весьма специфично. Если в его начале урбанизация идет слабо, то в конце 1950-х гг. достаточно четко обозначаются тенденции, которые станут доминировать в последующие десятилетия, а именно: формирование городской культуры и социальной среды. Именно с этой спецификой связаны заявленные хронологические рамки исследования.

В модели представителя Чикагской социологической школы Л. Вирта современный город представляется как особое социальное пространство, которое обладает набором следующих характеристик: преобладанием вторичных контактов между людьми (деловых, анонимных, кратковременных, рационально организованных), снижением значимости территориальных общин (отмирание соседских связей и общения), формированием групп по интересам; многообразием культурных стереотипов, уменьшением социального значения семьи; неустойчивостью социальных связей горожанина, повышением его социальной мобильности.

Очевидно, что в 1950-е гг. город Пермь (Молотов) находился на огромной дистанции от приведенной выше модели. Областной центр 1950-х представлял собой внушительную агломерацию рабочих поселков, локализованных, прежде всего, вокруг тех или иных предприятий. Взаимосвязь

между ними присутствовала, но слабо развитая инфраструктура была еще явно недостаточна для унификации культуры. Единственным общественным городским транспортом был переполненный трамвай, перерывы движения могли достигать 30 минут и более. Первое поколение горожан сохраняло культурный багаж, полученный в сельской местности, продолжая после переезда в город следовать усвоенным с детства патриархальным традициям. Большие многодетные семьи, поддержание тесных соседских отношений для жителей г. Молотова 1950-х гг.— было нормой. В научной литературе это явление обычно обозначается термином рурализация. Названия микрорайонов «Заива», «Висим», «Костарева», «Зеленка» являлись не просто административным делением, но и территориальными идентификаторами проживающих там людей.

Местом проживания горожанина в то время было в основном жилье двух типов: барак или квартира в частном деревянном доме. Квартирой называлась отдельная комната. Организация пространства барака и квартиры различались. В бараках, которые оказывались наиболее доступным жильем для приехавших в город жителей сельской местности, «...крыши протекают, стены осели и промерзают, рамы перекошены, в комнатах зимой холодно сыро...нет никаких удобств... Более 100 рабочих проживают в общежитиях, где в каждой комнате помещается по 20–25 человек... В бараках № 1 и 3 среди одиночек проживают 6 женщин с мужьями... средняя плотность... по барачному фонду... — 3,2 кв. м на человека, а в отдельных общежитиях ...до 2–2,5 кв. м и даже менее»¹. Колоссальная скученность

¹ ПОГАНИ и ОПД Ф. 105. Оп. 20. Д. 107. Справка о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова С. 53–54. Цит. по Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 65.

жильцов и отсутствие необходимого пространства для упрочения приватности собственной жизни формировали особый тип отношений, в котором культура прежнего сельского жителя сохранилась, во всяком случае в прежнем виде, уже не могла. Пространство барака можно охарактеризовать как пространство маргинального типа, выполнявшего функцию разрушения сельского уклада, но еще не способного выполнять функцию формирования новой, городской культуры в силу отсутствия в нем условий для частной жизни. В сравнении с этим, пространство частного дома было не столь публично. Однако пространство частного дома в своей повседневности мало отличалось от сельского уклада. Рутинные ежедневные действия горожанина, проживающего на квартире в отсутствие домашнего водопровода и центрального отопления, делали его повседневную жизнь похожей на сельский быт.

Как выглядят школы на общем фоне пространства того времени? Подавляющее большинство школ к 1950-м гг. — это каменные здания. В культуре той эпохи каменные строения, помимо банальной функциональности, были нагружены еще особым символическим смыслом. Каменные благоустроенные дома, за редким исключением, представляли собой либо административные здания, либо места проживания городской партийной номенклатуры. В связи с этим невольно напрашиваются параллели с дихотомией пространства средневекового города, выражаемое схемой: замок — город или детинец — посад. Каменное здание, редкое в системе основной застройки г. Перми, в начале 1950-х гг. было символическим выражением власти и ее ресурсов. Стиль районной застройки формировался по образцу центра: массовая деревянная барачно-частная застройка с небольшими остроровками каменных зданий, выполняющих, прежде всего, властные, административные функции. Пермские «замки»

и «дворцы» — это не только здания милиции, обкома и райкомов, но и здания школ. Последние тоже можно отнести к зданиям власти. Их власть в городской культуре была особой — идеологической. Функционируя как социальный институт, необходимый для коммунистического воспитания подрастающего поколения, школа брала на себя большое количество административных и идеологических задач. Пропаганда и просвещение среди окрестного населения, организация явки избирателей на выборы (избирательные участки находились очень часто в школах), учет избирателей, учет детей школьного возраста, проживающих в микрорайоне, организация контроля над учениками во внеурочное время — вот неполный перечень функций данного института.

Какие тенденции прослеживаются в динамике развития школы в обозначенный период? Указанная эпоха — время бурного роста городского населения. Два накладывающихся друг на друга процесса — послевоенное увеличение рождаемости и миграция сельского населения в город — поставили систему образования Перми в крайне тяжелые условия. Необходимость расширения школьной сети, выполнение закона о всеобщем обучении в условиях массового притока рабочей силы из деревень (часто не регистрирующейся), резко обострившийся «кадровый голод» — таковы основные проблемы времени¹.

¹ О проблеме нехватки педагогических кадров см.: *Чащухин А. В.* Преподавательские кадры Пермской области в условиях изменения образовательной системы конца 1950-х начала 1960-х годов // Астафьевские чтения: Выпуск второй. (17–18 мая 2003 года) — Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2004; *Чащухин А. В.* Изменение образовательного состава школьных учителей в середине 1950-х годов (на примере г. Молотова — Перми). // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы VII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З. И. Файнбурга. Т. 2. Пермь, 2004.

Попытаемся рассмотреть динамику развития школы в Молотове-Перми 1950-х гг. в ее связи с социальными вызовами времени (см. таблицу 1 в приложении). Общей тенденцией можно считать возрастание относительного и абсолютного количества средних школ и соответственное уменьшение начальных учебных заведений. Отчеты ГорОНО свидетельствуют, что помимо строительства новых зданий в указанный период, наблюдается реорганизация начальных школ в 7-летние, с одной стороны, и 7-летних в средние школы, с другой. Примечательно и то, что из всех имеющихся ныне школьных зданий г. Перми до 1917 г. было построено 21 здание, за годы советской власти до 1940 г.— 22, а в период с 1948 по 1959 гг.— 49 школьных зданий¹. Таким образом, за 1950-е гг. количество школьных зданий в городе возросло на более чем 50 % (речь здесь идет именно о зданиях, а не о самих школах). Естественно, что подобный бурный рост школ был во многом ответом на упоминавшийся выше рост городского населения и, следовательно, на рост контингента учащихся. Тем не менее, даже при таких впечатляющих темпах строительства система народного образования явно не справлялась с большим наплывом школьников².

Контингент учащихся с конца 1940-х гг. к 1964 г. вырос более чем вдвое (см. таблицу 2 в приложении). Если в 1948–49 учебном году учащихся школ г. Молотова насчитывалось 50 650 и 48 977 соответственно на начало и на конец учебного года, то к 1963–64 г. школьников в г. Перми было уже 112 550 и 111 667 соответственно. Интересно, что наибольший прирост наблюдается в начале 1960-х гг.:

¹ ГАПО. Ф. Р-478 Оп. 2. Д. 84 Отчет ГорОНО о работе школ за 1958–59 гг. С. 17.

² Данные взяты из отчетов ГорОНО за 1952–60 гг. ГАПО. Ф. Р-478 Оп. 2. Д. 78–85.

с 1960–61 по 1963–64 учебный год количество учеников возрастает приблизительно на 20 тысяч. Таким образом, массовое увеличение числа учащихся, особенно на рубеже 1950–60-х гг., приводило к огромной перегруженности школ и классов. Вычисление среднего количества учеников в классе здесь мало что проясняет. В начале 1950-х в среднем оно составляет 35 человек, к концу десятилетия достигает 37 человек. Разница кажется небольшой, если не учитывать того, что в 1950-е гг. резко изменились пропорции количества учащихся в различных звеньях школы. Речь идет в первую очередь о резком увеличении школьников, пытающихся получить полное среднее образование, т. е. об учащихся 9–10, а после образовательной реформы 1958 г. — 8–11 классов. Если в 1950–1951 учебном году в старших классах училось в среднем 24 человека, то к 1958–1959 учебному году их количество выросло до 31. Таким образом, в указанное время «поглощение» резко увеличившегося контингента учащихся происходило во многом благодаря искусственно увеличиваемой «емкости» школы за счет старшего звена. О критической ситуации того времени говорит и статистика школ г. Перми, где было введено трехменное занятие: если в 1953–54 учебном году таковых было 15, то к 1959–60 их стало уже 29¹. Не стоит забывать и о том, что большинство новоприбывших в пермские школы были детьми мигрантов из сельской местности, из чего следует, что помимо простого увеличения учащихся, школа столкнулась с проблемой социализации детей и подростков, еще не освоивших пространство городской культуры.

В этих условиях на первый план для школы выходило решение социальных проблем. Кроме привычных идеологических функций, школа была вынуждена уделять больше вни-

¹ Данные взяты из отчетов ГорОНО за 1952–63 гг. ГАПО. Ф. Р-478 Оп. 2. Д. 78–87.

мания профилактике девиантного поведения детей. На языке административных документов того времени это обозначалось как «выполнение закона о всеобуче». Проблема неохваченных образованием детей усиливалась плохим учетом жильцов со стороны домоуправлений, предоставлявших школам неверную информацию. «Многие дети не записаны в домовые книги, похозяйственные книги, имеющиеся в домоуправлениях ЖКО, даже в паспортах родителей. Это привело к большому недоучету детей: число детей, явившихся в школы превысило общее число учтенных детей почти на 2 тысячи человек»¹. Естественно, что наиболее опасной группой в отношении девиантности были не работающие и не обучающиеся «переростки». В отчетах ГорОНО уделялось большое внимание проблемам подростковой вольности. «Органами милиции установлено 530 подростков (70 % достигли 17 лет), которые нигде не учатся и не работают»². «Но не только школы повинны в большом количестве детей, не охваченных школами и выбывшими из школ до окончания обучения. Анализ материалов школ и наблюдения работников ГорОНО показывают, что основной контингент не обучающихся в школе составляют подростки 14–16 лет и старше, которые являются переростками для тех классов, где должны обучаться. Они потеряли интерес к учению, чаще всего вышли из-под влияния родителей и не имеют дома надзора, не поддаются влиянию школы. Школы не в состоянии удержать этих подростков и заставить их обучаться, а общественность привлечена к решению этих вопросов всеобуча совершенно недостаточно»³.

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 78. Отчет ГорОНО о работе школ за 1952–53 гг. С. 11.

² ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 80. Отчет ГорОНО о работе школ за 1954–55 гг. С. 16.

³ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 78. Отчет ГорОНО о работе школ за 1952–53 гг. С. 12.

Традиционных мер по привлечению данного контингента в школы рабочей молодежи, ремесленные училища и в школы ФЗО, видимо, оказалось мало. Власть ищет иные пути решения проблемы. Городское образование идет на создание специальных классов для «переростков». В 1956–57 учебном году создаются специальные классы для переростков: 48 классов для 811 человек¹. Видимо, этим объясняется, что в следующем году количество неохваченных школой подростков в отчетах ГорОНО уменьшается до 490². Естественно, что речь здесь шла не об образовании, а скорее о «приглядывании» за подростками до достижения ими совершеннолетнего возраста. Второгодничество и осенняя переэкзаменовка для 1950–х гг. — дело весьма обычное. Объясняется это, однако, вовсе не «жесткостью» в обучении, а стремлением школ выполнять закон «о всеобуче», используя хоть какие-то дисциплинарные практики. К слову сказать, с конца 1950–х гг. наметилась тенденция к ограничению подобных мер. Если после испытаний в 1958–59 учебном году в среднем каждый десятый школьник Перми был оставлен на второй год или отправлен на осеннюю переэкзаменовку (первых обычно было в два раза больше), то в 1963–64 учебном году подобные меры применялись в среднем уже к каждому двадцатому учащемуся³. Смеем предположить, что одной из причин отказа от подобных практик в последующее время (помимо обычной борьбы за отчетность) стало то, что школа в 1960–е гг., пытающаяся поглотить возрастающий год от года контингент учащихся, с определенного момента оказалась просто не в состоянии

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 82. Отчет ГорОНО о работе школ за 1956–57 гг. С. 21.

² ГАПО. Ф. Р-478. Оп. Д. 83. Отчет ГорОНО о работе школ за 1957–58 гг. С. 9–10.

³ По данным отчетов ГорОНО 1958–1964 гг.

держат в своих стенах второгодников. На фоне второгодничества крайняя мера — исключение из школы — применялась относительно редко. Таким образом, смену образовательных тактик в отношении выходящих из-под социального контроля подростков можно представить в виде последовательности: сначала — привлечь в школу и удержать в ней, потом — привлечь в школу и заставить ее закончить. Проблема удержания ученика в школе становилась тем более актуальной, что школы рабочей молодежи (ШРМ) постепенно теряли в это время функции «запасного аэродрома» для молодежи, не способной или не желающей обучаться в обычной дневной школе. Если в 1954–55 учебном году в ШРМ ушли из школ 788 учащихся, то в 1963–64 гг. всего 94 человек. На наш взгляд, указанная тенденция была связана с изменением структуры образования, сориентированного с 1950-х гг. на среднюю (с «прицелом» на ВУЗ), а не на семилетнюю школу и отменой платы за обучение в конце 1950-х гг.

Однако привлечь в школу не охваченных всеобщим обучением детей было недостаточно. Контроль над учащимися не только в стенах школы, но и в обычной внешкольной жизни — такова максима образовательной политики того времени. В данном подходе взаимно переплетались как вполне «земные» мотивы (такие, как упоминавшаяся профилактика и борьба с детской девиантностью), так и идеологические установки системы советского образования. В 1950-е гг. активно используется идея социалистического соревнования между классами и между школами. Работа в классных комнатах и на пришкольной территории, ремонт школьного здания и благоустройство города, работа на городском строительстве и в колхозе, на городских предприятиях, участие в спорте и художественной самодеятельности и т. д. и т. п. становятся весьма значимыми моментами

в повседневной жизни школы. Большинство мероприятий, по которым подводились итоги социалистического соревнования, проводились вне учебной сферы. Поощрение наиболее активных учащихся, классов и школ происходило во время проводимых праздников, таких как «За честь школы», «За честь класса», «День урожая». Интересно, что традиция выступать «за честь» своей школы или класса появляется в Перми именно в 1950-е гг. О целях подобных мероприятий говорят сами руководители образования Перми. «За ряд последних лет во многих школах устанавливаются определенные традиции, имеющие большое воспитывающее значение на массу школьников: это торжественные церемонии первого звонка для 1-классников 1 сентября, последний звонок для 10-классников, праздник Урожая, день матери, система поручений классным коллективам по общешкольному плану, школьные спектакли, посвященные налу учебного года и т. д... воспитывают чувство ответственности, любви к своей школе, чувства долга и чести и другие моральные качества советской молодежи»¹. При анализе отчетов ГорОНО 1950-х гг. невольно создается впечатление, что объем проводимой внеклассной работы являлся более важной заслугой в глазах начальства, чем успеваемость или качество предлагаемых учащимся знаний. Отчеты пестрят огромным количеством описываемых внеклассных мероприятий. Подобное пристальное внимания к этим акциям есть не что иное, как следствие проводимого школой курса на максимальное увеличение контроля над учащимися, что считается уже социальной функцией школы. Ее временные рамки выходят за пределы учебных занятий. Для общественности, для родителей, работающих на

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2 Д. 82. Отчет ГорОНО о работе школ за 1956/57 гг. С. 189.

заводе круглый день, удобно, что кто-то присмотрит за детьми. Поэтому путь привлечения к школе детей во внеучебное время, действительно, был самым легким. В 1950-е гг. в пермских школах появляются «продленки». Этим, однако, дело не ограничивалось. Учителя совместно с родительскими комитетами по вечерам патрулируют улицы, дежурят у кинотеатров. «В старших классах школ № 81, 45, 11, 12 был прочитан цикл лекций о культуре поведения. Большая работа проводилась здесь в борьбе против усиливающейся тенденции учащихся к модным стрижкам, завивкам, “стильной” одежде, к нарочитой претенциозной небрежности в одежде, причёске и т. д... Для контроля проводились комсомольские рейды (в школах № 15, 4, 35, 37, 32), контрольные дни — представители органов народного образования, родителей и др. общественности дежурили у кинотеатров, в скверах, садах, на улицах»¹. Школа пыталась бороться с официально критикуемым культурным явлением, которое могло возникнуть только в городском пространстве — «стиляжничеством». Естественно, стилиаги в Перми, хоть и встречались, но не были массовым явлением. Всё дело в том, что в структуре наличного знания педагогов образы стилиаги и обычного хулигана могли интерпретироваться одинаково.

Таким образом, специфика ситуации была в том, что школа, помимо учебных задач, пыталась решать социальные задачи — очистить улицы от опасных и агрессивных подростков.

Воспитательные функции школы в учебное и во внеучебное время, внутри школы и за ее пределами распространялись и на родителей. В последнем случае речь шла

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 83. Отчет ГорОНО о работе школ за 1957/58 гг. С. 241–242.

об обучении родителей воспитанию детей. В 1955 г. городской отдел народного образования отчитывался: «В каждом районе работали лекторские группы из учителей, директоров школ, силами которых на предприятиях в учреждениях в течение года прочитано на педагогические темы 829 лекций, докладов»¹. Темы подобных лекций могли звучать так: «Воспитание воли у ребенка в семье» (для родителей школьников 1–6 классов), «О воспитании хорошего вкуса» (для 1–7 классов), «Эстетическое воспитание в семье», «О нескромном поведении» (о девочках), «О бесцеремонном обращении с девочками» (о мальчиках), «О воспитании простоты в обращении с товарищами» (о мальчиках и девочках), «Как не баловать дочку новыми нарядами» (для 1–6 классов), «Макаренко о дружбе родителей и детей» (для 7–10 классов)².

В процессе социализации школа оказывалась первым социальным институтом, проводившим унификацию культуры городского населения, в первую очередь — унификацию культуры подрастающего поколения. Представлять школу того времени как главный институт в процессе формирования городской культуры было бы, наверное, большим преувеличением. Корректнее, на наш взгляд, говорить о том, что школа закладывала определенные ориентиры для дальнейшей урбанизации. Попытаемся понять, к чему эти предпосылки сводились. Начнем с того, что в рамках школы происходило усвоение новых, нетрадиционных временных ритмов. Школьное расписание выполняло ту же функцию, что и организация работы на фабрике. Именно

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2, Д. 80. Отчет ГорОНО о работе школ за 1954/55 гг.

² ГАПО. Ф. Р-1428. Оп. 1. Д. 54. Доклад А. И. Серебренниковой «О состоянии воспитательной работы и дисциплины учащихся в Пермской школе № 7». С. 14, 27.

в школе для большинства детей происходило усвоение рациональных по содержанию гигиенических норм (пусть и вводимых нерациональными методами). Ежедневные проверки чистоты рук, воротничка, на «вшивость» — процедуры, с которыми большинство впервые сталкивалось именно в школе. В рамках образования происходило приобщение к книжной культуре. Последняя не обязательно сводилась к литературным произведениям школьной программы, наличие в школе библиотеки открывало возможность приобщаться к «легким» жанрам — фантастике и приключениям. Сам факт, что школьник в 1950-е гг. часть своего досуга тратил на прочтение книг Ж. Верна или Хаггарда, не мог не изменять его внутренний мир.

Необходимость занять досуг школьников, сформировать общие культурные ориентиры городской среды отражалась в практике «окультуривания». Это могло происходить в различных формах: приобщение к театру, классической музыке, внедрение правил этикета, иными словами, к тому, что можно было считать идентификаторами городского образа жизни. Учащиеся школы № 22 могли выполнять тренировочные упражнения: «К нам пришли гости», «Мы пришли в театр». В школе № 77 организовывались обучающие вечера для старшеклассников: «Танцы на вечерах», «Как красиво одеваться». Усилиями властей (ГорОНО, ГК ВЛКСМ) для просвещения подрастающего поколения привлекалась Пермская Государственная филармония. Лекции-концерты под такими названиями, как «Что такое опера», «Как слушать и понимать музыку» призваны были сформировать культурные образцы, располагавшиеся в городском пространстве¹.

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 83. Отчет ГорОНО о работе школ за 1957/58 гг. С. 240–243, 258.

Таким образом, школа в 1950-е гг. становится институтом, ориентированным в основном на выполнение социальных функций в ущерб образовательным. Речь, естественно, не идет о том, что школа 1940-х не выполняла социальных функций. В конце концов, школа любого типа во все времена дает не только знания, но и определенные технологии взаимодействия между людьми. Все дело в том, что в условиях резко возросшего населения г. Молотова в 1950-е гг. социальные функции школы стали определяющими. Эти функции сводились к тому, чтобы «занять» время детей, поставив их под социальный контроль школы. Поскольку огромное количество подопечных были недавними выходцами из деревни, постольку школа оказывалась первым социальным институтом, закладывающим в подрастающее поколение ориентиры урбанизации и формирования городской культуры.

Приложения

Таблица 1

**Динамика развития школьной сети за
1949–1960 гг. (по данным отчетов ГорОНО
1952–60 гг.)¹**

Учеб- ный год	Общее число школ всеобща	Из них			
		средних	7-лет- них	начальных	спец. школ
1949–50	82	21	26	35	2
1950–51	90	24	29	35	2
1951–52	96	28	32	32	4
1952–53	98	29	36	29	4

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 78–85.

Окончание табл. 1

1953–54	99	34	37	23	5
1954–55	99	41	34	19	5
1955–56	98	46	28	19	5
1956–57	100	50	28	17	5
1957–58	105	51 (в том числе 2 школы-интерната)	28	21	5
1958–59	113	54 (в том числе 4 школы-интерната)	32	11	6
1959–60	103	53 (в том числе 4 школы -интерната)	31	19 (б/вспом.)	

Таблица 2

**Количество учеников в школах
г. Молотова — Перми в 1948–64 гг.
(по данным отчетов ГорОНО 1952–64 гг.)¹**

Учебный год	Количество на начало года	Количество на конец года	По плану
1948–49	50.650	48.977	
1949–50	56.424	54.582	
1950–51	58.622	57.159	
1951–52	59.661	57.429	
1952–53	60.283	58.383	
1953–54	64.355	61.467	
1954–55	66.153	63.121	69.700
1955–56	65604		68797
1956–57	69662		69300
1957–58	72710		73300

¹ ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 78–87.

В. О. Шадрин

ПОЛИТИКА ЦК ВЛКСМ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОК-МУЗЫКЕ

С 1960-х годов начинается процесс проникновения рок-музыки с Запада в СССР. В 1970-е годы формируется советская рок-музыка, а затем и другие элементы отечественной рок-культуры.

Отношение власти к рок-музыке складывается под влиянием идеологического и политического противостояния с Западом — в условиях холодной войны и реализации принципа мирного сосуществования. Рок-культура не воспринималась властью целостно, а рассматривалась в рамках более широких категорий (идеологическое влияние Запада) и через отдельные ее элементы (музыка, танцы, другие формы молодежного движения). Формируется идеологема «идеологическое влияние Запада» — деятельность, направленная на подрыв идеологической монолитности советского общества. Одной из форм этого влияния выступала культура, в частности проникновение рок-музыки в СССР. Рок-музыка рассматривалась властью как инструмент идеологического давления Запада на советскую молодежь.

Соответственно советская рок-музыка развивалась в условиях и в контексте системы мер, предпринимаемых властью в идеологической борьбе с Западом. Собственно, отечественная рок-музыка в этой системе отношений без учета ее самобытности тоже могла рассматриваться как элемент западного влияния.

Границы рассматриваемого периода определяются, с одной стороны, периодом активизации культурного влияния Запада и реакцией на это власти в 1960-е годы, с другой

стороны, коренными изменениями советской системы, начавшимися с середины 1980-х годов, радикально изменившимися условиями существования рок-культуры в СССР.

Общее руководство политикой в отношении рок-музыки осуществляла КПСС. Отдельные направления этой политики реализовывались ВЛКСМ, ВЦСПС, государственными органами, прежде всего Министерством культуры, а также творческими союзами, в первую очередь Союзом композиторов, в меньшей степени Союзом писателей.

Было бы ошибкой полагать, что комсомолу отводилась роль транслятора партийной воли. ВЛКСМ, как и другие структуры, имел возможность определенного маневра в расстановке акцентов и определении конкретного набора мер по реализации общей политической линии, вырабатываемой партией. Попробуем проследить, каким образом деятельность ВЛКСМ затрагивала существование и развитие рок-музыки.

В системе отношений, существовавшей в СССР, комсомол не мог претендовать на определяющую роль в развитии музыкального искусства как такового, однако это не мешало ВЛКСМ играть заметную роль в формировании политики по отношению к молодежной музыке, поскольку первостепенной задачей комсомола было воспитание молодежи. С позиций комсомола, как и советской идеологии в целом, музыка рассматривалась как одно из действенных воспитательных средств наряду с другими видами искусства.

Впервые в рассматриваемый период отношение к западной молодежной музыке находит свое отражение в характеристике, данной в постановлении пленума ЦК ВЛКСМ «О задачах комсомола по организации досуга молодежи» 1960 года. В нем первостепенное внимание уделяется проблеме западного культурного влияния на молодежь в кон-

тексте идеологического противоборства. В постановлении, в частности, говорится о проникновении в молодежную среду «самых уродливых форм досуга, характерных для пресловутого “американского образа жизни”»¹. В связи с этим следует критика советского самодеятельного и профессионального эстрадного искусства за низкий идейный уровень, а также декларируется стремление усилить контроль над содержанием эстрадного искусства со стороны комсомола².

Борьба с западным влиянием в советском искусстве, в том числе и музыкальном, находит свое отражение и на XIV съезде ВЛКСМ. Жесткой критике подвергается стремление молодых художников и композиторов «“обогатить” себя формалистическими, модернистскими творческими средствами, заимствованными из арсенала западного искусства», а также «скептицизм» в искусстве³. Помимо этого, критике подвергается творчество «некоторых авторов и исполнителей» и декларируется стремление комсомола к тесному сотрудничеству со всеми структурами, осуществляющими руководство культурой⁴.

Наряду с критикой западного влияния и тематики музыкальных произведений комсомол сформулировал требования к музыкальному искусству. В постановлении ЦК ВЛКСМ «О проведении заключительных концертов всесоюзного смотра творчества молодых композиторов» от

¹ О задачах комсомола по организации досуга молодежи. Из постановления пленума ЦК ВЛКСМ, август 1960 г. // Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918–1968). М., Молодая гвардия, 1969. Т. 2. С. 243.

² Там же. С. 244, 250–251.

³ Отчет Центрального Комитета ВЛКСМ и задачи комсомола, вытекающие из решений XXII съезда КПСС // XIV Съезд ВЛКСМ. 13–20 апреля 1962 г. Стенографический отчет. М., Молодая гвардия, 1962. С. 52.

⁴ Там же. С. 54.

16 ноября 1962 года декларируется необходимость создания произведений, «раскрывающих светлые образы героев современности, глубину их мыслей и чувств, благородство устремлений, пафос патриотического труда советских людей во имя коммунизма»¹. В данном постановлении указано на невнимание «к созданию произведений массовых музыкальных жанров, прочно вошедших в жизнь и труд молодежи, таких как массовая песня, легкая эстрадная, танцевальная и джазовая музыка, противостоящая безвкусным и пошлым произведениям, нередко проникающим в повседневный быт молодежи»². Интересно, что в данном постановлении джазовая музыка не только не подпадает под определение «формализма», но и поддерживается наряду с другими жанрами.

Таким образом, к середине 1960-х годов комсомол декларирует негативное отношение к современной западной молодежной музыке как к элементу буржуазной пропаганды. Джазовая музыка не подвергается критике как уже академизированная и добившаяся признания в СССР, а также как переставшая быть популярной среди молодежи. При этом четко определяются приоритетные задачи для советской музыки, и осознается отсутствие конкурентоспособной советской молодежной музыки, которая смогла бы вытеснить западную. Именно стремление вытеснить западную молодежную музыку путем воспитания у молодежи интереса к современной советской музыке становится приоритетной задачей комсомола в дальнейшем.

Во второй половине 1960-х годов позиции комсомола по отношению к западному влиянию в музыке начинают

¹ О проведении заключительных концертов всесоюзного смотра творчества молодых композиторов. Постановление ЦК ВЛКСМ от 16 ноября 1962 года // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (Январь — декабрь 1962 года). М.: Молодая гвардия, 1963. С. 255.

² Там же. С. 256–257.

постепенно смягчаться. На XV съезде ВЛКСМ уже отсутствует выраженная критика западной музыки и говорится лишь о недопустимости снижения требовательности к идейно-художественному уровню музыкальных произведений для молодежи¹. При этом комсомол прилагает усилия к развитию молодежной музыки в стране. В частности, проводится Всесоюзный конкурс на лучшую молодежную песню. В программе конкурса вновь излагаются основные требования к содержанию молодежной музыки, которые сводятся к пропаганде коммунистических идей, исторических достижений, борьбе за мир и против капитализма и империализма². Подобные мероприятия начинают организовываться комсомолом регулярно.

С начала 1970-х годов борьба с восприятием западной музыки советской молодежью во многом утрачивает свой наступательный характер. Такое положение вещей продиктовано начинающейся разрядкой в отношениях с Западом. Это связано также с тем, что к 1970-м годам западная музыка в значительной степени завоевала себе массовую молодежную аудиторию в СССР. В этих условиях было практически невозможно противостоять массовому интересу к западной рок-музыке, и комсомол предпринимает попытки поиска компромиссного варианта в этом вопросе.

В этом смысле показательно выступление главного редактора «Комсомольской правды» Б. Д. Панкина на

¹ Павлов С. Отчет Центрального Комитета ВЛКСМ и задачи комсомола, вытекающие из решений XXIII съезда КПСС. Доклад и заключительное слово на XV съезде ВЛКСМ. Май 1966. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 18.

² О всесоюзном конкурсе на лучшую молодежную песню посвященную 50-летию ВЛКСМ Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ и Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР от 8 июля 1968 года // Документы ЦК ВЛКСМ. 1968. М., «Молодая гвардия», 1969. С. 359.

XVI съезде ВЛКСМ: «В наше время, когда средства массовой информации развиваются с невиданным ускорением, практически невозможно оградить молодого человека от воздействия даже откровенно враждебной идеологии. Требуется определенного уровня восприятия и тот все увеличивающийся поток литературы и искусства из-за рубежа, который в целом несет положительный заряд»¹. Справедливости ради надо отметить, что выступавшие на съезде не раз поднимали вопрос о содержании молодежных песен, требуя усилить внимание к образу рабочих. Также не раз встречается в материалах съезда повторение выработанной ранее оценки западного искусства в контексте идеологической борьбы.

После 1970 года в документах ЦК ВЛКСМ практически не встречается более обращений к проблеме роста влияния западной музыки на советскую молодежь. Именно в этот период комсомол пытается формировать молодежную эстраду в СССР, стремясь сделать ее более конкурентоспособной по отношению к западной. С начала 1970-х годов получают официальное признание вокально-инструментальные ансамбли (ВИА) как некая приспособленная к требованиям советской идеологии форма рок-группы. В 1972 году этот термин впервые используется в центральных комсомольских документах².

Период поиска компромисса в политике по отношению к рок-музыке со стороны комсомола заканчивается к 1978 году. Однако ситуация в сфере музыкальных увлечений моло-

¹ Речь главного редактора газеты «Комсомольская правда» Б. Д. Панкина // XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. 26–30 мая 1970 года. М.: Молодая гвардия, 1971. Т. 1. С. 161

² О Всесоюзном фестивале советской молодежи, посвященном 50-летию образования СССР Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ от 13 июня 1972 года // Документы ЦК ВЛКСМ 1972. М., «Молодая гвардия», 1973. С. 82.

дежи к этому моменту существенно изменилась. К концу 1970-х годов в СССР сформировалась относительно самобытная рок-музыка, популярность западной музыки в значительной степени выросла. С 1976 года по всей стране начинают появляться дискотеки, формируется так называемая магнитофонная культура. И если в 1960-е годы целью комсомола могло быть противодействие популяризации западной музыки в советской молодежной среде, то к концу 1970-х годов комсомол столкнулся с массовым увлечением молодежи западной и аналогичной по форме и содержанию советской рок-музыкой.

На XVIII съезде комсомола молодежной музыке вновь уделяется большое внимание. В первую очередь критике подвергаются ВИА. В частности, в отчетном докладе ЦК ВЛКСМ говорится: «Сегодня очень популярны самодеятельные вокально-инструментальные ансамбли. Но, к сожалению, уровень подготовки и репертуар этих ансамблей оставляет желать лучшего»¹. Критике на съезде подверглась и деятельность государственных структур в области молодежной музыки, в частности, Госконцерта СССР и Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия» за популяризацию западной эстрадной музыки².

В постановлении секретариата ЦК ВЛКСМ «О задачах комитетов ВЛКСМ по выполнению постановления ЦК КПСС “О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества”» от 10 ноября 1978 года особо отмечается низкий уровень репертуара самодеятельных коллективов, а также репертуарного сборника «Моло-

¹ *Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по формированию у молодежи коммунистической сознательности, готовности, воли и умения строить коммунизм. // XVIII съезд ВЛКСМ, 25–28 апреля 1978 г. Стенографический отчет. М.: Молодая гвардия, 1978. Т. 1. С. 84.*

² *Речь первого секретаря ЦК ЛКСМ Литвы В.С. Балтрунаса // XVIII съезд ВЛКСМ, 25–28 апреля 1978 г. Стенографический отчет. М.: Молодая гвардия, 1978. Т. 1. С. 359*

дежная эстрада», предлагаются меры по усилению контроля над репертуаром дискотек¹.

Однако в 1979 году начавшаяся была кампания по усилению контроля над советской молодежной музыкой со стороны комсомола не получила дальнейшего развития. Наоборот, в 1980-м году состоялся, по существу, первый рок-фестиваль в Тбилиси, на официальную эстраду выходит ряд рок-групп, в частности, «Машина времени». Этот политический поворот, вероятно, был связан с проведением в Москве Олимпийских игр 1980 года и желанием советского руководства продемонстрировать относительный демократизм советской системы².

Тем не менее с 1980 года внимание к росту популярности западной рок-музыки снова усилилось в рамках борьбы с «массовой культурой»³. Следующим шагом в начинающейся кампании по усилению контроля над молодежной музыкой становится совместное постановление Коллегии Министерства культуры СССР и Секретариата ЦК ВЛКСМ «О мерах по дальнейшему улучшению деятельности любительских объединений, клубов по интересам и дискотек» от 29 июля 1980 года. В данном постановлении значительное внимание уделяется деятельности дискотек, в частности, определяются задачи, стоящие перед ними: «пропаганда лучших образцов

¹ О задачах комитетов ВЛКСМ по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества». Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ от 10 ноября 1978 года // Документы ЦК ВЛКСМ. 1978. М., Молодая гвардия, 1979. С. 319–321.

² Подобная точка зрения высказывалась среди прочих А. Макаревичем. Макаревич А. В. Все очень просто. М., 1991. С. 102.

³ О работе комитетов комсомола мурманской области по усилению классовой закалки молодежи. Из постановления Бюро ЦК ВЛКСМ, 26 февраля 1980 г. // Товарищ комсомолец: документы съездов комсомола, пленумов, Бюро и Секретариата ЦК ВЛКСМ. 1968–1982. М., Молодая гвардия, 1983. Т. 2. С. 387.

многонационального советского искусства, а также творчества прогрессивных зарубежных исполнителей». В качестве удачных примеров работы дискотек приводится создание тематических программ патриотического и идеологического содержания¹. Постановление предполагало также ряд шагов по усилению контроля над деятельностью дискотек, по централизованному формированию их репертуара.

XIX съезд ВЛКСМ продолжил политику усиления контроля над молодежной музыкой с целью противодействия проникновению через нее западного влияния. По сути, воспроизводятся постулаты 1960-х годов: «Буржуазные идеологи делают ставку на идейное “размывание” социализма. Классовый противник стремится посеять в сознании молодежи семена идейного чертополоха, индивидуализма и аполитичности. Буржуазная пропаганда распространяет идеологическую диверсию и психологическую войну на такие сферы, как музыка, мода, досуг»². Параллельно критикуется репертуар молодежной музыки: «Невозможно представить себе молодость без песни, которая строить и жить помогает. К сожалению, таких ярких, талантливых, подлинно гражданских произведений сегодня рождается до обидного мало. На их место претендуют ремесленные подделки, в которых всего понемногу — и “злобы дня”, и модной формы, и псевдофилософичности»³. Критике также подвер-

¹ О мерах по дальнейшему улучшению деятельности любительских объединений, клубов по интересам и дискотек. Постановление Коллегии Министерства культуры СССР и Секретариата ЦК ВЛКСМ от 29 июля 1980 года // Документы ЦК ВЛКСМ 1980. М., Молодая гвардия, 1981. С. 198.

² Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи Ленинского комсомола по формированию поколения людей политически активных, знающих дело, любящих труд и умеющих работать, всегда готовых к защите Родины // XIX съезд ВЛКСМ, 18–21 мая 1982 г.: Стенографический отчет. М.: Молодая гвардия, 1982. Т. 1. С. 64.

³ Там же. С. 74.

гаются и дискотеки, которые «превращаются в арену делячества и безвкусицы, пропаганды стереотипов буржуазной массовой культуры»¹.

Опять же, как в 1960-е годы, вслед за критикой существующего положения вещей определяются приоритеты в тематике молодежной музыки, они в данном случае явно несут на себе отпечаток нового витка напряженности в отношениях с Западом. Теперь наиболее актуальными считаются песни комсомольско-молодежной, военно-патриотической и гражданской тематики, активное использование песни в борьбе с проникновением в молодежную среду элементов массовой буржуазной культуры².

Вслед за этим очередной удар наносится по дискотекам. Принимается совместное постановление Коллегии Министерства культуры СССР, Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ «О дополнительных мерах по повышению идейно-художественного уровня работы дискотек» от 1 февраля 1982 года. В данном постановлении дискотеки вновь подвергаются жесткой критике из-за репертуара, их программы критикуются за то что, в них редко используются произведения патриотической, гражданской темы, отечественной классической, современной советской музыки. Помимо этого, поднимается вопрос о финансовой деятельности дискотек и совершенствуется система контроля над их деятельностью³.

¹ Там же. С. 75.

² О проведении ежегодных праздников песни, посвященных дню рождения комсомола Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ, Коллегии Министерства культуры СССР, Секретариата Правления Союза композиторов СССР, Секретариата Правления Союза писателей СССР, Правления Всероссийского хорового общества от 31 августа 1982 года // Документы ЦК ВЛКСМ. 1982. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 112.

³ О дополнительных мерах по повышению идейно-художественного уровня работы дискотек. Постановление Коллегии Министерства куль-

Своего рода апогеем давления на рок-музыку, да и не только на нее, принято считать Июньский (1983 года) пленум ЦК КПСС. В постановлении пленума ЦК ВЛКСМ по этому поводу содержится очередное требование усиления контроля над репертуаром ВИА и деятельностью дискотек¹.

Пожалуй, последним крупным шагом комсомола по ужесточению контроля над музыкой стало постановление «О мерах по повышению роли комитетов комсомола в работе с вокально-инструментальными ансамблями» от 15 августа 1984 года. На ансамбли, а заодно и дискотеки обрушивается шквал критики: «В программах вокально-инструментальных ансамблей, групп и дискотек мало произведений высокого гражданского звучания, советской песенной классики. Широкое распространение получили слабые в идейно-художественном отношении произведения самостоятельных авторов, песни, взятые из зарубежных радиопередач, не лицензионных пластинок. Подражая западной моде, участники ансамблей нередко появляются перед зрителями в неопрятном виде, небрежно и вызывающе одеты, ведут себя на сцене развязно, в манере чуждых нашему обществу нравов...»². Само постановление выдержано в крайне жестких тонах и содержит перечень мер по ужесточению контроля над деятельностью ВИА и дискотек.

туры СССР, Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ от 1 февраля 1982 года // Документы ЦК ВЛКСМ. 1982. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 133.

¹ О задачах комсомола по усилению коммунистического воспитания молодежи, вытекающих из решений Июньского (1983 г.) пленума ЦК КПСС, речи на нем Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Андропова Ю. В. Постановление V пленума ЦК ВЛКСМ // Документы ЦК ВЛКСМ. 1983. М., Молодая гвардия, 1984. С. 18

² О мерах по повышению роли комитетов комсомола в работе с вокально-инструментальными ансамблями. Из постановления Секретариата ЦК ВЛКСМ от 15 августа 1984 года // Документы ЦК ВЛКСМ. 1984. М., Молодая гвардия, 1985. С. 198–199.

Таким образом, можно выявить определенную динамику в политике комсомола в отношении рок-музыки. В первой половине 1960-х годов происходит осознание проблемы проникновения западной музыки в молодежную среду и выработываются идеологические схемы в отношении этого процесса. Дается однозначно негативная оценка западной рок-музыке как инструменту идеологического влияния Запада на молодежь. Затем, со второй половины 1960-х годов, оценки становятся менее острыми и акценты в политике начинают меняться. С начала 1970-х годов комсомол почти перестает противостоять проникновению западной музыки в молодежную среду, а приоритетным направлением становится развитие советской молодежной музыки как альтернативной западной. Причем реализация подобной политики достигалась зачастую с помощью компромисса с интересом молодежи к рок-музыке. Во многом благодаря этому и складываются условия для формирования отечественной рок-культуры. С конца 1970-х — начала 1980-х годов в условиях обострения идеологического противостояния с Западом борьба с влиянием западной музыки на молодежь вплоть до 1985 года идет по нарастающей. Вновь возникает стремление пресекать практически любые проявления восприятия западной рок-музыки молодежью и обозначить более узкие границы дозволенного в отношении отечественной рок-музыки. При этом используются идеологические схемы, выработанные в 1960-х годах, и игнорируются уже фактически сложившееся позитивное отношение молодежи к западной рок-музыке и сформировавшаяся отечественная рок-культура. Эти обстоятельства делают борьбу власти с рок-музыкой практически бесперспективной.

Е. Б. Вяткина

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ ГИМНАЗИИ

Модернизация образования на современном этапе развития общества утверждает образование как часть культуры, как процесс обретения учеником индивидуального «образа». Эти обстоятельства требуют от каждого педагога пересмотра своих позиций в отношении педагогического процесса в целом и преподавания учебного предмета в частности. Актуальным становится создание таких условий, в которых бы ученик творчески саморазвивался и на основе свободного выбора вырабатывал социально-значимые культурно-ценностные установки.

Гимназия как особый тип образовательного учреждения ориентирует учащихся, главным образом, на получение высшего образования. Поэтому главными задачами гимназического образования являются: развитие творческих способностей, интереса к познавательной деятельности; формирование на основе дифференциации обучения навыков самостоятельной учебной работы; овладение учащимися более высоким уровнем знаний в определенной предметной области; развитие гуманитарного мышления; усвоение традиций, норм и способов деятельности определенного культурного уклада; создание условий для самоопределения учащихся. Реализация этого комплекса задач закладывает фундамент для успешного обучения старшеклассника в высшей школе.

Новые требования к содержанию, формам и методам преподавания истории в школе, на наш взгляд, привели к ряду противоречий:

- между традиционным подходом к истории как к процессу последовательной смены общественно-экономических формаций и современным цивилизационным подходом, когда акценты в изучении истории переносятся на ценностно-ориентационный, аксиологический смысл прошлого и настоящего;
- между традиционными методами и формами ведения уроков истории и необходимостью создания условий для развития свободной личности с социокультурной направленностью.

Отечественные философы (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, В. С. Соловьев и др.), ученые-педагоги (В. А. Сухомлинский, Ш. А. Амонашвили, Н. М. Дудина, В. К. Дьяченко, Г. К. Селевко и др.) заложили основы понимания гумано-духовных ценностей человека, зависимости развития личности от обучения, характера организации взаимодействия участников педагогического процесса.

Цивилизационный подход становится ведущим методологическим принципом современных учебников истории, при этом акценты в преподавании истории переносятся с изучения «окружающих человека обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах»¹.

Мы привыкли на уроках давать ответы на вопросы: «что?», «как?» и «почему?», т. е. традиционно рассматриваем само событие и его возможные причинно-следственные связи. Однако сегодня для старшеклассника важно не только знание исторического факта, но и понимание смысла происходящего, значимости изучаемого явления в общеисторическом контексте. Особый интерес учеников вызывает обращение к проблемам нравственных ценностей, самосознания народа, его взаимодействия с иными культурами.

¹ Цит. по: Черных В. Ю. Аксиология истории в России: современная отечественная история в свете теории ценностей. Пермь, 1999 г.

Таким образом, целью исторического образования является помощь в освоении каждым учеником трех типов ценностей: этнокультурных, общенациональных (российских) и общечеловеческих. При этом материал преподается на достаточно высоком проблемно-теоретическом уровне. Формирование культурно-ценностных установок происходит при изучении практически любой темы.

В 10-м классе Новая история рассматривается как история цивилизаций. Темы формулируются как обобщающие и проблемные, например: «Цивилизация как основная типологическая единица истории» (А. Тойнби, Н. Данилевский, П. Сорокин, О. Шпенглер), «Миф как феномен человеческой культуры», «Античность и современная европейская цивилизация» (сравнительная характеристика). Учащиеся учатся анализировать взгляды великих ученых, сопоставлять их позиции, выявлять особенности толкования тех или иных событий. Итогом работы над темой становится проведение семинара и зачета.

На уроках отечественной истории рассматриваются такие проблемы, как взаимоотношения общества и власти, культурные традиции русского народа и его отношения с иными этносами.

Одна из фундаментальных задач, встающая перед учителем истории — научить школьника объективно оценивать разнообразную информацию о социальных явлениях, анализировать общественно-политическую и культурную ситуацию и принимать самостоятельное, осмысленное решение. Умение объективно анализировать сложные общественные процессы, правильно выбирать жизненные ориентиры — признак новой ментальности человека Культуры и, одновременно, необходимое условие становления демократического общества.

В деле создания условий для формирования культурно-ценностных ориентаций учащихся учителя гимназии

накопили определенный опыт, прежде всего в использовании технологий, направленных на достижение современных образовательных целей. Учащимся предлагаются разные формы обучения (так называемые активные):

- анализ письменных источников (литературно-исторические памятники);
- обращение к так называемым «визуальным» историческим свидетельствам: иллюстрациям, рисункам, картинам, картам, афишам, фотографиям или фильмам (при этом используются материалы гимназических музеев: Дома С. П. Дягилева, музея геологии, этнографического музея и др.);
- работа в группе, где создаются условия для активной работы всех учащихся, различающихся по уровню знаний и по работоспособности (на различных этапах изучения тем проговариваются и цели работы в группе — чувствовать и брать на себя ответственность в плане учебы и укрепления своей сознательности; работать в сотрудничестве с одноклассниками, уважать и уметь выслушивать чужое мнение, давать ему правильную оценку, пробовать разные роли и решать разные задачи в группе, например, в качестве ведущего, секретаря, докладчика наблюдателя и т. д.);
- использование метода «мозговой атаки», когда за короткий отрезок времени надо получить широкий спектр идей по какой-либо проблеме и выстроить четкую аргументацию (чаще в начале рассмотрения темы — своеобразное прогностическое моделирование);
- изучение устных свидетельств (используется во внеурочной работе (экскурсии, встречи, поездки по родному краю и т. д.).

Все формы организации работы с учеником используются для того, чтобы сделать актуальным желание учащихся

задавать себе и другим вопросы, касающиеся исторических свидетельств и таким образом помогать выработать собственные суждения. Так, при работе с авторским текстом мы часто пользуемся некой опорой:

Кто?	Кто создал или написал этот текст? Какова была позиция этого человека?
Что?	О чем рассказывает нам текст? Что «спрятано» в нем?
Когда?	Когда текст был создан? Какие идеи или специфические обстоятельства, характерные для этого периода, могли повлиять на создание данного текста?
Где?	Где произошло событие? С какой территорией оно связано? Каковы возможные цивилизационные контакты?
Почему?	Почему, на ваш взгляд, этот текст был создан? Преследовалась ли при этом какая-то специальная цель? Можно ли раскрыть эту цель, если <ul style="list-style-type: none"> • установить общественное значение текста; • рассмотреть возможности его использования, стиль языка; • читать текст «между строк».
Как?	Как этот текст был создан?
Зачем?	Какие важные для тебя культурно-нравственные ценности содержатся в тексте? Как текст способствует общему пониманию исторического процесса?

В современном обществе основным способом общения становится обмен информацией. Это — «акт общения», диалог. Диалоговый подход является оптимальным и для объяснения материала. В то же время объяснение базируется на понимании мотивов человеческих поступков, ведущую роль в которых играют ценностные ориентации, составляющие важнейшие элементы структуры личности, определяющие устойчивую направленность ее потребностей и интересов.

Мы часто применяем диалоговые технологии не как традиционную форму вопрос-ответ, а как учебный диалог

в универсально-педагогическом смысле. Диалог строится в соответствии с определенными принципами:

- рассмотрение различных понятий в разрезе разных логик и способов понимания мира;
- особое общение между учителем и учащимися, отстаивающими собственный взгляд на мир, уважение мнения и личности ученика, его самоопределение и самоорганизация;
- внутренний спор учащегося с самим собой, основанный на столкновении различных культурно-логических блоков;
- выход диалога за грань известного и встреча с неизвестным не только для ученика, но и для учителя;
- включение в структуру учебного материала казусов и парадоксов, утверждений-сомнений, «вопросительных утверждений», стимулирующих коммуникативную активность учащихся.

В этой связи педагогически ценной методикой преподавания истории мы считаем и метод проектов.

Совместно с учащимися формулируем правила работы над проектом: совместный поиск проблемы и темы проекта, обоснование ее важности и выявление желания участников ее исследовать; коллективно-групповое обсуждение возможности реализации проекта, поиск источников для исследования (по проблемам культуры эта работа чаще происходит в гимназической библиотеке); выделение подпроектов, формулировка их тем, установление взаимосвязи и взаимозависимости между ними; определение вариантов взаимодействия; самостоятельная работа участников проекта и уточнение круга исследования; презентация проекта, коллективное обсуждение проблемы и проекта; подведение итогов, саморефлексия.

В контексте формирования культурно-ценностных ориентаций мы часто предлагаем учащимся написать эссе по тем или иным темам (например, «Зачем я изучаю историю?», «Исторические личности и я», «Как Вы понимаете слова Ломоносова: "Мой дух покоя не знает"?», «Каковы особенности русского общества второй половины XIX века с вашей точки зрения и с позиции Ф. Достоевского "Тут мысль, всего более меня занимающая: «в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений сойтись?»» и др.). При анализе ученических размышлений на эти темы обращаем внимание не только на глубину характеристики деятеля науки и общества, но и на умение учеников выражать свои мысли и выделять главное. Используется и такая форма, как произнесение на основе эссе так называемых спичей: в яркой и глубоко личностной форме требуется донести до одноклассников смысл своего размышления.

Продуктивным с точки зрения обсуждаемой темы мы считаем использование на уроках русских пословиц, в которых закреплена потребность народа в этических формулах, в кодексе моральных норм, рассчитанном на разные ситуации. Так, при изучении «Русской Правды» учащиеся подбирали пословицы с термином «холоп», сопоставляли его значение в историческом документе со значением этого термина в сегодняшнем восприятии. Постоянный интерес у учащихся вызывает возможность поиска и толкования русских пословиц, крылатых фраз и их аналогов из иных культур или, наоборот, отсутствие каких-либо аналогов (например, китайская пословица «Даже у императора бывают бедные родственники» или латинская «Деньги не пахнут», или наша «Бодливой корове бог рогов не дает»). При изучении различных аспектов нашей истории, особенно социальных, мы обращаемся к сгусткам народной мудрости («Свой сво-

ему поневоле брат», «Гусь свинье не товарищ», «Грех воровать, да нельзя миновать» и др.) и просим учащихся дать современное понимание этих фраз, объяснить их исторический смысл. Дети в своем поиске обращаются к энциклопедическим изданиям, работают в Интернете.

В работе над формированием ценностных ориентаций большое значение придается подбору соответствующих цитат. Это важно как при написании эссе, так и при анализе смысла исторических событий.

К активным формам ведения уроков относятся дискуссии. В организации такого рода способов взаимодействия всегда необходимо придерживаться определенных правил, и мы пытаемся их вырабатывать для себя, например: «истина не принадлежит тебе, как не принадлежит никому»; «у тебя есть право на собственное мнение, но нет права на факты»; «не говори “ты не прав”», только — «я с не согласен с тобой»; «если твой аргумент кажется слишком простым, не стесняйся: как раз наивные аргументы часто оказываются продуктивными» и другие.

На уроках используются и элементы ролевых игр: в ходе рассмотрения темы предлагается вжиться в ту или иную роль (крестьянина строгановского имения под Ильинским, самого Строганова и т. п.) и по возможности раскрыть особенности их восприятия изучаемых исторических событий. Вариантами заданий могут быть и составление письма, обращения, политического заявления и т. п.

Опробован метод проведения Интернет-уроков, когда учащиеся входят в информационное пространство всего Пермского края. Для такого урока выбирается актуальная тема: объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа или проведение всероссийской сельскохозяйственной переписи. Информация заблаговременно размещается на сайте гимназии, образовательном портале

или иных сайтах. Идет прямая видеотрансляция урока для всех, вошедших на сайт. В ходе одного из таких уроков использованы материалы ученических проектов, проведено прямое интернет-голосование, составлено и направлено письмо вице-губернатору, заполнена анкета, организовано общение со сверстниками в режиме «он-лайн». Интерес к таким урокам необычайно высок. В результате ценность исторического знания резко возрастает.

Наш подход к преподаванию истории в гимназии, ориентированный на выработку у учеников навыков самостоятельного освоения текста любого типа, умения обмениваться информацией и на этой основе формировать свои культурно-ценностные позиции, направлен на подготовку выпускников школы к дальнейшему обучению, в том числе в высшей школе.

Ю. Г. Белоногов

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ВНУТРИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ 1960-Х гг.: К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Исследование природы политических изменений в СССР в послесталинский период, когда стали обнаруживаться все более явственные признаки некоторой либерализации общественной жизни, до сих пор остается актуальной задачей. Это делает необходимой дальнейшую разработку вопросов о механизме и социальной базе произошедшей в 1950–1960-е годы трансформации советской системы от модели «идеологического государства» к модели «партий-

ного государства», предполагавшей отказ от излишней централизации процесса управления, передачу (прежде всего по партийной линии) части властных полномочий Центра на места, упорядоченность властных институтов, опиравшихся на поддержку наиболее влиятельных социальных слоев¹.

Изучение происходившей трансформации неизбежно выводило на поиск источников изменений, усматривавшихся, в том числе и в политической активности определенных групп интересов внутри властных структур. Таким образом, разработка проблематики заинтересованных групп постепенно стала одним из наиболее плодотворных научных подходов при анализе происходившей в указанный период трансформации советской системы. Следует отметить: при всем разнообразии точек зрения на положение и роль групп интересов в СССР у большинства российских и западных ученых не осталось сомнений в том, что такие группы существовали и имели весьма важное значение в функционировании всего общественного организма².

Анализ происходившей трансформации советской системы заставил исследователей обратить пристальное внимание на проблему конфликта интересов внутри номенклатуры как движущей силы политических и экономических изменений. Несомненно, корректировка внутривластной политики советского руководства на протяжении 1950–1960-х гг. напрямую зависела от результатов борьбы групп интересов внутри номенклатуры. При этом сама

¹ О признаках «партийного государства» см.: *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. С. 75–95; *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. С. 105–106, 121.

² *Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С.* Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал УРПС, 1999. С. 45.

номенклатура (точнее, определенные группы интересов в ней) являлась важной социальной базой изменения стратегии общественного развития, что проявилось в постепенном переходе от реформ к политической стабилизации.

Однако серьезным недостатком современной историографии по данной проблеме является слабая изученность в российской научной литературе вопросов, связанных с формированием и функционированием групп интересов на уровне регионов¹. Между тем региональная номенклатура в послесталинский период, освобождаясь от жесткой опеки центральной власти, постепенно усиливает свое политическое влияние. По нашему мнению, это было связано с двумя взаимозависимыми процессами: постепенным формированием принципиально новой модели экономических отношений («административно-бюрократического рынка») и развернувшейся между преемниками И. В. Сталина политической борьбой за власть². Уже при Н. С. Хрущеве процесс оформления и артикуляции региональных интересов «зашел далеко», однако «решающий прорыв» был сделан при Л. И. Брежнев в условиях политической стабилизации³.

Причем у этого, отныне важного, актора политического пространства уже в указанный период стали проявляться

¹ Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Указ. соч. С. 178.

² О разносторонних теоретических аспектах взаимосвязи указанных процессов подробнее см.: *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. С. 31; *Найшуль В.* Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // ОНС. 1994. № 4. С. 7; *Бадковский Д. В.* Советская политическая элита: от организации профессиональных революционеров к номенклатурной системе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1995. № 11. С. 34; *Афанасьев М. Н.* Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1. С. 68–70.

³ Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Указ. соч. С. 67, 178–179.

свои специфические интересы. Определенная разнородность интересов центральных и региональных властей заключалась в том, что отныне распоряжения Центра не являлись категоричными императивами для местного руководства¹. Постепенно основой для новых взаимоотношений центральной и региональной элиты в условиях политической стабилизации стала политика «невмешательства» Центра во внутренние дела регионов, если те, в свою очередь, соблюдали политическую лояльность по отношению к центральному руководству².

Таким образом, с большой долей уверенности можно утверждать: выработка внутривластной стратегии развития страны зависела как от региональной номенклатуры в целом, так и от результатов борьбы основных групп интересов в ее рамках. В связи с этим анализ на региональном уровне конфликта интересов по важнейшим вопросам социально-экономического и политического развития представляется актуальной научной проблемой и является на сегодняшний момент весьма перспективным подходом к изучению внутривластного курса советского руководства в 1960-е гг.

Исследование природы конфликта интересов внутри номенклатуры предполагает наличие в СССР совершенно иной политической реальности. Данный конфликт заметно отличался от хорошо изученных форм соперничества в дооктябрьской России и от традиционно изучаемых политических столкновений в странах Запада. Поэтому следует критически подходить к активно используемому в совре-

¹ *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. С. 53–54.

² Подробнее об этом явлении советской политической действительности см.: *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. С. 89–92.

менной политической науке термину «группа интересов», зачастую учитывающему реалии западной демократической системы ценностей¹.

Как считает ряд специалистов, главной особенностью советского политического пространства являлось то, что группы интересов взаимодействовали исключительно как бюрократические структуры. Следовательно, в условиях фактического отсутствия в СССР иных, кроме государственной, форм собственности группы интересов не были автономными и независимыми от власти; наоборот, они являлись составной частью бюрократической системы и действовали по ее правилам². Данное обстоятельство позволяет понять, почему некоторые исследователи специфической именно для СССР формой проведения конфликта называют отстаивание групповых интересов внутри партийно-государственной элиты³.

В свою очередь, особенностью государственной системы была ее неизбежная политическая организация: партийный аппарат коммунистической партии превратился в важный механизм властной структуры. По мнению ряда исследователей, характерный для советской системы государственности дуализм власти, предусматривавший ее разделение на власть государственную и власть партий-

¹ Примером подобного подхода может служить определение В. А. Мельника, по которому к группам интересов относятся все виды негосударственного политического института или «общественные объединения». См.: Мельник В. А. Современный словарь по политологии. Минск: Книжный Дом, 2004. С. 85.

² Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Указ. соч. С. 66; Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003. С. 37; Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. Cambridge, Mass. 1979. P. 446.

³ Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 4–5.

ную, не мог не стать потенциальным источником напряжения и конфликта¹.

Изучение проблематики конфликта интересов внутри номенклатуры в 1950–1960-е гг. предполагает выделение качественных отличий от ситуации 1930–1940-х гг. По давно устоявшемуся (но далеко не бесспорному — Ю. Б.) мнению исследователей, при И. В. Сталине борьба внутри правящей корпорации имела замкнутый на высшее руководство цикл и практически была изолирована от масс². Во многом указанное обстоятельство объяснялось сложившейся при нем системой экономических и, соответственно, политических отношений, в которой даже региональной номенклатуре была предназначена функция лишь простого исполнителя воли Центра. Институциональные конфликты внутри руководства оставались «под спудом»: их развитие тормозила непреодолимая в результате перманентных репрессий слабость аппарата власти и управления³.

Все это предопределило формы и содержание борьбы за власть: конфликты в высшем руководстве, сложившемся на базе чисток и террора 1930-х гг., развивались в форме безжалостного, не знающего милости к побежденному личного соперничества «вождей» и окружавших их кланов, безоговорочно признававших сталинский авторитет по вопросам общественного развития⁴. При этом устанавливалась прямая зависимость усиления «кулуарной» борьбы за власть от личного расположения и «протезирования» со

¹ См: *Рейман М.* Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 30.

² *Барсуков Н.* На переломе. Советское общество в послевоенные десятилетия // Свободная мысль. 1994. № 6. С. 96, 99.

³ *Рейман М.* Указ. соч. С. 26.

⁴ См.: *Рейман М.* Указ. соч. С. 24–25; *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 6.

стороны вождя, от удач, ошибок и просчетов тех, кто находился в данный момент на вершине власти¹.

Однако применительно к 1950-м, а особенно к 1960-м гг., следует говорить о существенном изменении характера конфликтов. События в 1953 г. свидетельствовали о переходе межличностного соперничества в политическое, предполагавшее отражение претендентами основных интересов поддерживавших их ветвей аппарата². Соответственно развернувшаяся в 1950-е гг. борьба за власть интересна нам не столько как межличностное соперничество самих претендентов (Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова и Л. П. Берии), сколько как столкновение поддерживающих их ветвей аппарата за приоритет своих корпоративных интересов в стратегии общественного развития. В определенной степени даже эти лидеры с ярко выраженной харизмой стали своеобразными «заложниками» своей социально-политической опоры.

Данное обстоятельство свидетельствовало о существовании такого важного явления советской политической действительности, как конфликт интересов внутри номенклатуры между ее основными группами, олицетворявшими собой властные институты советского общества. Исследования показывают, что проекты Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, Н. С. Хрущева объективно отражали и защищали корпоративные интересы поддерживавших их групп аппарата³.

¹ Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 28–29; Рейман М. Указ. соч. С. 25.

² Тезис о превращении личного соперничества в политическое в связи с развернувшейся в 1953 г. борьбы за власть см.: Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5. С. 44.

³ См.: Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5. С. 42–44; Пихоя Р. Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 9.

В частности, как убедительно доказал Ю. Н. Жуков, корректировка предлагавшихся Г. М. Маленковым в 1953 г. идей в основном зависела от изменения его социально-политической опоры¹.

Главным содержанием указанного конфликта интересов стала борьба за изменение соотношения статусных позиций партийной и государственной ветвей аппарата. Многие исследователи при изучении событий весны 1953 г. подчеркивали четко выраженный приоритет государственной власти над партийной: бросившиеся к распределению государственных портфелей наследники И. В. Сталина демонстрировали, что главным источником власти в стране является именно государственный аппарат². Анализ проектов и деятельности Л. П. Берия и Г. М. Маленкова в 1953–1957 гг. показывает их ярко выраженную «антипартийную» направленность, что проявлялось в стремлении существенно ограничить властные полномочия партийного аппарата³.

Соответственно, смещение данных конкурентов Н. С. Хрущева с политического Олимпа в 1953–1957 гг.

¹ Особенно наглядно он демонстрирует данный тезис на примере борьбы с привилегиями аппарата. В частности, Г. М. Маленков как председатель Совета Министров СССР начал кампанию по борьбе против привилегий аппарата («конвертов»), которая существенно ущемила материальные интересы партийных работников, но при этом не коснулась его главной политической опоры — секретные постановления Совмина от 26 мая и 13 июня 1953 г. значительно увеличили размеры вложений в «конверты» для министров, глав союзных республик и местных исполкомов. Подробнее см.: Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5. С. 42–51, 56.

² О приниженой роли партийного аппарата в 1953 г. см.: Пихоя Р. Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 8; Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5. С. 43–44.

³ Пихоя Р. Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 9, 13–14.

являлось важными вехами в постепенном укреплении партийным аппаратом своих статусных позиций и лидирующего места в системе управления. По мнению ряда исследователей, исход этой борьбы имел далеко идущие последствия: система власти после 1957 г. получила четко выраженную партийную направленность¹.

Однако изучение проблематики конфликта интересов внутри номенклатуры настоятельно требует значительного расширения хронологических рамок предмета исследования и, соответственно, выделения дополнительных этапов в его периодизации. Развернувшуюся после смерти И. В. Сталина яркую и драматичную борьбу основных ветвей аппарата за лидирующее место в системе управления не следует окончательно ограничивать 1957 годом. Победа Н. С. Хрущева над своими оппонентами свидетельствовала об окончании лишь одного из этапов в развитии конфликта интересов, поскольку борьба внутри номенклатуры на этом не заканчивается. Уже на рубеже 1950–1960-х гг. политические завоевания партийной номенклатуры были поставлены Н. С. Хрущевым под сомнение: от поддержки партийной и советской ветвей аппарата он переходит к мероприятиям по значительному ограничению их позиций, пытаясь опереться при этом на хозяйственную ветвь номенклатуры².

¹ *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 102; *Пихоя Р. Г.* СССР. История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 182.

² Вероятно, изменение социально-политической опоры высшего руководства также объясняет одно любопытное явление советской истории — неизменное возвращение во второй половине 1940–1960-х годов новых лидеров к проблеме использования экономических методов управления, расширения хозяйственной инициативы и укрепления социальной направленности в хозяйственной практике. Примечательно, с этими предложениями реформирования советской экономики они боролись, будучи ранее собственно партийными руководителями. *Пыжиков А. В.* Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 36.

Столкновение интересов основных ветвей номенклатуры (в том числе и на региональном уровне) особенно отчетливо могло проявляться в период кризиса, к которому следует отнести задуманную Н. С. Хрущевым политическую реформу. Именно период активной преобразовательной деятельности является моментом конфликтного столкновения разнохарактерных политических сил и их концепций общественного развития и, следовательно, наиболее широкой вариативности развития ситуации¹.

В начале 1960-х гг. в политической сфере происходят весьма существенные изменения. В 1961 г. на XXII съезде КПСС принимаются новые Программа и Устав партии, в которых был зафиксирован принцип принудительной ротации кадров, что способствовало значительному обновлению состава выборных партийных и советских органов и существенному изменению персонального состава номенклатуры. В тех же документах провозглашался курс на всемерное развитие общественных начал, которые были призваны отобрать у партийного и государственного аппарата часть властных полномочий и сфер влияния. Линия на ограничение влияния партийной и государственной номенклатуры была продолжена в 1962 г., когда на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС было принято решение о разделении властных органов по производственному принципу на промышленные и сельскохозяйственные. Данные мероприятия противоречили основным тенденциям складывающейся модели «партийного государства», поскольку объективно способствовали ослаблению позиций партийной и советской ветвей региональной номенклатуры.

¹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М.: «Россия молодая», 1993. С. 147; см. также: Опенкин Л. А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е и 60-е годы? // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 52–65; Глотов В. И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 57–73.

Новый политический курс мог привести к качественно-му изменению соотношения сил в рамках региональной номенклатуры. В частности, потенциальным последствием реализации данной реформы, имевшей во многом «производственный» характер, могло стать постепенное превращение партийных органов (особенно на низовом уровне) в своеобразный придаток хозяйственных структур¹. Тем самым было поставлено под угрозу функционирование партийного аппарата как политической администрации. Осознание опасности поглощения партийной «вертикали» хозяйственной являлось одним из главных побудительных мотивов представителей партийного аппарата в борьбе за сохранение своего статуса в системе властных отношений. По нашему мнению, эти обстоятельства, главным образом, спровоцировали новый виток конфликта интересов, в основе которого лежало объективное стремление основных ветвей (и соответствующих групп в их рамках) номенклатуры сохранить или изменить свои статусные позиции.

Во второй половине 1960-х годов наблюдается сворачивание основных мероприятий этой политической реформы. Только к концу указанного десятилетия власти удалось нейтрализовать ее последствия. Более того, политические новации рубежа 1950–1960-х гг. способствовали консолидации совокупного политического интереса региональной номенклатуры. Главным содержанием данного интереса являлась потребность в политической стабилизации общественной системы. Поэтому этап 1960-х гг., менее драматичный и захватывающий, все-таки сыграл в становлении новой модификации политической системы не менее важную роль.

¹ Данное явление уже было характерно и для послевоенного периода. Подробнее см.: *Левин М.* Номенклатура — Arcanum Imperii: Технология управления против социологии управленцев // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России. М., 1997. С. 69–76.

Следует учитывать, что региональная номенклатура не являлась однородной ни по своему составу, ни (что самое главное) по своим экономическим и социальным интересам. В соответствии с функциональным подходом мы выделяем в региональной номенклатуре три основных группы интересов, олицетворяющих соответственно партийную, советскую и хозяйственную ветви власти.

Важным направлением в изучении данной проблематики должен стать анализ ряда «конфликтогенных» факторов. К таковым следует отнести, прежде всего, динамику изменения функциональных задач, которые выполняли группы интересов в системе властных отношений советского общества. На сегодняшний момент можно констатировать следующее: предпринятые Н. С. Хрущевым политические и экономические преобразования способствовали серьезно изменению функциональной роли и, соответственно, статуса этих групп внутри самой номенклатуры; лишь к началу 1970-х годов в связи с фактическим сворачиванием реформаторского курса А. Н. Косыгина в региональной номенклатуре закрепляется новая система функционального разделения труда.

Безусловно, внутриноменклатурный конфликт определялся и наличием экономических и политических ресурсов у групп интересов. Если для хозяйственной ветви номенклатуры приоритетными считались экономические ресурсы, то для партийной ветви — политические.

Наконец, конфликт интересов предусматривал столкновение социальных ресурсов, поскольку группировки в номенклатуре отражали, пусть даже и в опосредованной форме, интересы определенных слоев населения. Конкретная детализация связи групп внутри номенклатуры и наиболее влиятельных в данном регионе общественных групп должна явиться важным направлением дальнейших исследований в проблематике конфликта интересов, поскольку изме-

нение стратегии внутривластного курса в конце 1960-х годов не являлось лишь результатом решений центральной власти, а опиралось и на вполне определенное общественное ожидание. По мнению С. Коэна, «официальный консерватизм (речь шла о характере внутривластного курса Л. И. Брежнева — Ю. Б.) является не изобретением режима, а отражением широких и глубинных течений в советском бюрократическом аппарате, опирающихся на глубокий консерватизм в обществе»¹.

Таким образом, изучение внутриназначного конфликта предполагает анализ содержания экономических и социальных интересов партийной, советской и хозяйственной ветвей власти, формальных и неформальных практик по реализации данных интересов. Не менее важным направлением должно стать изучение объективных условий протекания конфликта, его связь с внутривластным курсом высшего советского руководства².

Конфликт интересов отныне не является исключительно прерогативой высших органов власти, а характерен и для региональной номенклатуры, в наибольшей степени предопределившей судьбу реформаторского курса на протяжении 1960-х гг. Таким образом, анализ конфликта интересов между основными группами интересов внутри региональной номенклатуры в процессе выработки социально-экономической и политической стратегии общественного развития является, на наш взгляд, перспективным подходом к изучению тенденций указанного периода.

¹ *Cohen S. F.* The friends and foes of Change. Reformism and Conservatism in Soviet Union // *Slavic Review*. 1979. № 2. P. 198.

² По мнению немецкого историка М. Реймана, важным недостатком значительной части работ, рассматривающих развитие СССР через призму личных и групповых амбиций, часто является отрыв исторических исследований от проблем тогдашней советской жизни. *Рейман М.* Указ. соч. С. 24.

По нашему мнению, корректировка внутривнутриполитического курса советского руководства на протяжении этого десятилетия напрямую зависела от результатов борьбы групп интересов внутри номенклатуры. В частности, именно это обстоятельство наилучшим образом может объяснить продолжение реформаторского курса в экономике во второй половине 1960-х годов при одновременном сворачивании политических новаций Н. С. Хрущева. Очевидно, это являлось результатом достигнутого в 1964–1965 гг. в рамках номенклатуры компромисса.

На рубеже 1960–1970-х гг. свёртывание экономической реформы А. Н. Косыгина свидетельствует об окончании последнего этапа в процессе столкновения интересов внутри номенклатуры. Победа интересов представителей партийной и советской ветвей и их концепции предопределила как соотношение сил в рамках региональной номенклатуры, так и особенности социально-экономического и политического развития СССР в 1970-е — первой половины 1980-х годов. Таким образом, региональная номенклатура (точнее, определенные группы интересов в ней) являлась важной социальной базой изменения стратегии внутривнутриполитического курса, проявившегося в постепенном переходе от реформ к политической стабилизации.

А. А. Колдушко

«КАДРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» 1937–1938 гг. В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

«Кадровая революция» 1937–1938 гг. (так часто называют массовую репрессивную ротацию руководящих кадров в указанный период) как историческое событие обладает собственным содержанием и включает два аспекта: с одной стороны, это *репрессии* против прежней номенклатуры, с другой — *выдвижение* новой номенклатуры.

Это событие, относящееся, пожалуй, к самым драматическим страницам советской истории, интерпретируется в литературе совершенно неоднозначно, рассматривается историками с разных теоретических позиций.

Концепция тоталитаризма, сутью которого в самом общем виде является огосударствление всех сфер общественной жизни — экономики, политических институтов, духовной жизни — объясняет общие механизмы функционирования власти и общества. «Кадровая революция» 1937–1938 гг. рассматривается в контексте этой концепции как способ унификации власти правящей элитой по идеологическим критериям. Жертвы репрессий (а в данном случае это — номенклатура) совершенно не подпадают под указанный критерий. Для того, чтобы обосновать репрессии против номенклатуры с позиций тоталитаризма, необходимо искать «сомнительные» факты биографии руководящих работников, например, «чуждое» социальное или этническое происхождение и др. Таким образом, в развитии концепции тоталитаризма историк фактически должен следовать логике следователя НКВД: выискивать причины ареста руководящего работника, которых чаще всего не существовало.

Как видим, объяснить процессы, происходящие внутри номенклатуры, с помощью концепции тоталитаризма, крайне сложно. Тоталитарная модель рассматривает советское общество в статике, как определенную, сложившуюся структуру. В результате мы не можем определить ни источник, ни механизмы возникновения изменений в обществе, поэтому эвристический потенциал данной концепции ограничен.

Тем не менее мы не можем отрицать того, что репрессии не были самоцелью, а были направлены на изменение социальной структуры номенклатуры. Точка зрения историков (З. Бжезинский, С. Хантингтон, К. Фридрих, М. Джилас, М. Восленский и др.), интерпретирующих советское общество в качестве тоталитарного, определяет его господствующий класс как монолитную, гомогенную структуру, в рамках которой отсутствует какое-либо подобие корпоративистских образований. Этот тезис нельзя не подвергнуть сомнению.

Кроме того, теория тоталитаризма является слишком идеологизированной. Так, А. К. Соколов отмечает, что данный подход включает в себе «идеологическую заданность и моральные императивы, ... от которых объективный исследователь в своем научном анализе должен воздерживаться»¹.

Другой подход, аккумулирующий в себе основные положения марксизма, объясняет кадровую революцию 1937–1938 гг. с позиций классовой борьбы. Наиболее полно эта модель прописана у В. З. Роговина². Он определял «ежовщину» как превентивную гражданскую войну против большевиков-ленинцев, боровшихся за сохранение и упро-

¹ Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 220.

² Роговин В. З. Партия расстрелянных. М., 1997; др.

чение завоеваний Октябрьской революции. Номенклатура в данном контексте рассматривается как класс. При этом внутри этого класса ведется поиск еще двух антагонистических классов (в данном случае это — большевики-ленинцы и сталинские выдвигенцы). Полагаем, однако, что такое деление приводит к методологическому противоречию.

Еще одним вариантом интерпретации изучаемого события является теория заговора номенклатуры против Сталина. Так, Ю. Н. Жуков считает репрессии своего рода защитной реакцией Сталина в ответ на готовящийся заговор. Ю. Н. Жуков отмечает, что Сталин готовил курс на демократизацию страны и планировал провести свободные выборы на альтернативной основе, что он стремился удалить от власти партийную номенклатуру, продолжавшую жить иллюзиями мировой революции и т. д.¹ Теория заговора, которой придерживается названный автор, сама по себе достаточно архаична и имеет скорее мистический характер, чем собственно исторический. Для серьезного исторического исследования, как полагаем, применение ее довольно сомнительно.

Гораздо более важной является проблема встраивания изучаемого события не только в соответствующий исторический контекст, но и в исторический процесс в целом.

Наиболее уместной, на наш взгляд, для объяснения феномена «кадровой революции» является теория модернизации.

Под модернизацией обычно понимают всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному (индустриальному) обществу. Он в свою очередь, может быть представлен как совокуп-

¹ Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.

ность подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т. д.¹

Модернизация в первую очередь процесс революционный, а потому изначально конфликтный. Конфликт раскалывает общество, причем этот раскол происходит в том числе и внутри социальных групп. Модернизационный процесс всегда сопряжен с разрушением традиционного общества, становлением новой социальной структуры, созданием новых институтов и др. Таким образом, возникает противоречие между традиционными формами общественной организации и современными (рациональными), которые только начинают устанавливаться. В сталинской модернизации мы можем выделить ряд рациональных компонентов процесса, наиболее важными из которых являются индустриализация, урбанизация, бюрократизация.

В настоящее время факт существования индустриализации как составной части модернизационного процесса в исследуемый период практически не подвергается сомнению. Исключение составляет позиция И. В. Павловой, которая считает, что в 30-е гг. фактически происходил «антимодернизационный процесс, результатом которого явилось разрушение прежних форм модернизации, сложившихся в России к 1917 г. и установление под партийно-государственным контролем системы натурального хозяйства в масштабах всей страны»². Индустриализация (процесс замены ручного труда технологиями, основанными на неживых источниках энергии) являлась, как правило, основой модер-

¹ *Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века.* М., 2000. С. 3.

² *Павлова И. В.* Власть и общество в 1930-е гг. // *Вопросы истории.* 2001. № 10. С. 54.

низационного процесса. Однако этот процесс не всегда был прямолинейным, часто был сопряжен со значительными трудностями, определенными отступлениями.

Термин «урбанизация» определяет процесс миграции сельского населения в города и сопутствующую этому движению концентрацию экономической активности, административных и политических институтов, коммуникационных сетей на урбанизированных территориях. Чаще всего эти процессы протекали во взаимной связи.

В контексте изучения «кадровой революции» 1937–1938 гг. наиболее важным является модернизационный процесс бюрократизации государственного и партийного аппарата. Под бюрократизацией понимается «становление иерархической социальной структуры для управления организациями на принципах рациональности, квалификации, эффективности и обезличенности»¹.

Стремление Сталина к созданию такой бюрократической системы очевидно: человек, по его мнению, должен быть «винтиком» целой системы. Общество, таким образом, отождествлялось с машинным (предельно функциональным) механизмом².

Теория модернизации, на наш взгляд, позволяет наиболее адекватно интерпретировать репрессии против номенклатуры 1937–1938 гг., она дает возможность выявить корни этого исторического конфликта.

Во-первых, «кадровая революция» 1937–1938 гг. была вызвана противоречием между традиционной клановой системой власти (как признак традиционной общественной

¹ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 15.

² «Я подымаю тост за людей простых..., за “винтики”, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм...». См.: Выступление И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь участников парада победы. 25. 06. 1945 г. // Правда. 1945. 27 июня.

структуры) и необходимой для современного общества нарождающейся бюрократией, действующей на основе принципов рациональности, к созданию которой стремился Сталин. Большевистская элита представляла собой сложную, многоуровневую систему межклановых и внутриклановых взаимоотношений. Особенно ярко эта картина проявилась в регионах. Личные связи заменяли формальные и являлись главным механизмом осуществления власти. Отношения региональных партийных руководителей с соответствующими советскими, хозяйственными руководителями определялись сложным переплетением факторов, среди которых первостепенное значение имели выстроенные на самом верху бюрократические взаимоотношения между патронами и межличностные связи внутри местной номенклатуры. Как отмечает О. В. Гаман-Голутвина, в 1930-е гг., «когда на смену столкновениям по поводу концепции модернизации пришли борьба верховной власти против клиентел и конфликты ведомственных интересов, общая установка верховной власти в лице Сталина заключалась в жесточайшем подавлении любых проявлений корпоративности...»¹. Фактически к концу 1930-х гг. значительная часть ЦК ВКП (б) превратилась в сообщество «удельных князей» и «ведомственных генералов», вокруг которых активно формировались патрон-клиентные отношения по принципу личной преданности.

Эффективность работы таких партийных управленцев была достаточно низкой, поскольку главным качеством работника являлись не деловые признаки, а принцип «свой — чужой», т. е. фактически принадлежность к «нужному» клану. Такая система препятствовала появлению в руководстве необходимых для полноценного осуществления мо-

¹ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 277.

дернизации технократов — молодых, образованных организаторов. Собственно в ходе проведения форсированной индустриализации и выяснилась некомпетентность «старого» руководства: партийные назначенцы неважно справлялись с административными обязанностями, неэффективно управляли промышленными предприятиями, сельским хозяйством и др.

Во-вторых, концепция модернизации помогает понять, почему обновление номенклатуры в 1937–1938 гг. произошло так жестко — крайней формой стало физическое истребление правящего слоя.

Террор как необходимая составляющая компонента модернизационного процесса использовался не только в традиционных обществах с сильной государственной властью, но и в западном мире. Первые попытки обоснования террора как крайне необходимой меры мы находим уже у историков, освещавших события Французской революции. Так, Франсуа Фюре отмечает, что «республиканская историография, вынужденная защищаться от прокуроров истории контрреволюционной и вообще слишком гуманистическая, чтобы спокойно относиться к кровавым жертвам якобинского периода, выработала для объяснения этого теорию, заставляющую вспомнить то, что наше право называет “смягчающими обстоятельствами”»¹. Политика террора, таким образом, оправдывалась объективными условиями борьбы за революцию.

Однако наиболее масштабно политика террора использовалась в условиях советского варианта модернизации, когда насильственные методы применялись повсеместно, а террор был возведен в ранг государственной политики.

Движение к социализму в советском обществе понималось новыми властителями, в первую очередь, как процесс

¹ Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб., 1998. С. 69–70.

откалывания от него чужеродных частей — классовых врагов (сначала «буржуазных элементов», потом «кулаков», «троцкистов», «двурушников» и пр.). На рубеже XIX–XX вв. сложились определенные матрицы социального мышления, которые определяли поступки людей, ревностно охраняющих революционные идеи. Еще П. Л. Лавров утверждал, что «всякая неограниченная власть, всякая диктатура портит самых лучших людей. <...> Всякая диктатура должна окружать себя принудительной силою, слепо повинующимися орудиями; всякой диктатуре приходилось насильственно давить не только реакционеров, но и людей, просто не согласных с ее способами действия; всякой захваченной диктатуре пришлось истратить более времени, усилий, энергии на борьбу за власть с ее соперниками, чем на осуществление ее программы с помощью этой власти»¹. Еще в начале века провозглашалась особая революционная законность, особая мораль, ставившая превыше всего «успех революции». Большевистская идеология лишь развила эти идеи. Руководствуясь этим принципом, Л. Д. Троцкий обосновывал правомерность репрессий по отношению к политическим противникам, не отказавшимся от борьбы за власть. Н. И. Бухарин на VII съезде в 1918 г. говорил: «В случае необходимости мы можем и должны пожертвовать десятками тысяч рабочих»².

Однако стремление к насилию как методу решения поставленных перед государством задач являлось не только властным импульсом: стихийные факторы, создающие соответствующую общественную атмосферу, также оказывали серьезное влияние на формирование взаимоотношений

¹ Цит. по: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 311–312.

² Седьмой экстренный съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 33.

власти и общества. «Озлобление» общества, «обыденность» применения насилия была связана в начале века и с Первой мировой войной, и с Гражданской войной, которые полностью разрушили устоявшиеся правовые и моральные нормы. Нельзя не согласиться с В. Головановым, который в своей статье о Махно заметил, что «“интоксикация” общества насилием в годы гражданской войны заставила надолго забыть о приоритете общечеловеческих ценностей»¹. Вместе с тем, как отмечает А. С. Цыпко, характер сталинской форсированной модернизации был связан, прежде всего, с ускоренной, поверхностной урбанизацией: «Урбанизация в 30-е годы вылилась в стремительный и неоправданно резкий разрыв с прошлым, при котором уничтожение старых традиций и старых устоев далеко обгоняло складывание новой морали и новых форм быта, жизни. Возникал своего рода культурно-нравственный вакуум, и уровень бытовой морали масс в некоторых отношениях снижался»². Такой моральный вакуум в сложившихся обстоятельствах не мог противостоять насилию.

Необходимость оптимизации работы номенклатуры, которая наследовала традиционные черты российского чиновничества, была очевидной. Выбор методов, с помощью которых эффективность работы управленцев может быть повышена, мог пойти по двум направлениям: либо демократизация страны и установление спонтанных механизмов функционирования бюрократии, как это было в западных обществах, либо попытка механического обновления номенклатуры. Практика большевизма показывала, что насильственные методы для решения всех вопросов (политики, экономики, духовной сферы) являлись краеугольным

¹ Литературная газета. 1989. 8 февраля.

² Цыпко А. С. О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 206–207.

камнем системы. Именно поэтому был выбран самый простой и радикальный способ — механическая смена правящего слоя.

Таким образом, с помощью теории модернизации можно наиболее адекватно оценить результаты и значение «кадровой революции» 1937–1938 гг. Применяя её основные положения, мы можем определить агентов (действующих лиц), участвующих в событиях; охарактеризовать институты, которые эволюционировали в ходе модернизационного процесса; соответствующие социальные ситуации и др.

Ю. А. Кашаева

**ПОДВОРНЫЕ ПЕРЕПИСИ
КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
КРЕСТЬЯН — КУСТАРЕЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(конец XIX — начало XX в.)**

Подворные переписи являются одним из наиболее часто привлекаемых источников по истории крестьянского хозяйства России конца XIX — начала XX в. Они дают необходимый и наиболее достоверный статистический материал о масштабах распространения кустарного производства среди крестьянского населения Пермской губернии, об использовании наемного труда, источниках получения сырья и т. д.

Исследователи обращаются, как правило, к опубликованным сводным поселенным таблицам, которые были составлены земскими статистиками по итогам переписей. Эти данные кладутся в основу социально-экономического

анализа крестьянского хозяйства конца XIX — начала XX в. Наиболее плодотворно подворные переписи привлекались И. Д. Ковальченко, который применял в исследовании крестьянского хозяйства многомерный анализ.

После публикации сводных и сгруппированных данных переписей их первичные материалы поступали в архивы. И в дальнейшем исследователи редко к ним обращались. Но, как отмечает, И. Д. Ковальченко, «первичные материалы переписей представляют собой ценнейший источник, при изучении которого исследователи могут применять различные методы сводки и группировки, обработки и анализа данных»¹. И. Д. Ковальченко видит в первичных материалах переписей, главным образом, источник для разнообразных вариантов группировки статистических данных, вне зависимости от заданных земскими статистиками в опубликованных сборниках группировок. На наш взгляд, эти материалы обладают и другим исследовательским потенциалом.

Социальная история крестьян-кустарей, на наш взгляд, предполагает изучение кустарей как отдельной социальной группы в структуре российского общества России конца XIX — начала XX в. Социальная история кустарей предполагает следующие аспекты изучения: самоидентификация кустарей как общности, ценностные ориентации, трудовая мотивация, социальные связи между субъектами социально-экономических отношений. В конкретно-историческом исследовании необходимо использование микроисторических методов, локального рассмотрения социальной группы кустарей. Проведение такого рода исследований требует привлечения методов и других дисциплин, в том числе социологии и психологии.

¹ Ковальченко И. Д. Аграрный строй Россия второй половины XIX — начале XX в. М.: РОССПЭН, 2004. С. 69–70.

При изучении указанных выше аспектов истории кустарничества первичные материалы подворных переписей имеют неопределимое значение. Хотя, безусловно, для создания более полной картины социальной жизни кустарей необходимо привлечение и других источников, например, этнографических.

В начале XX в. в Пермской губернии было проведено несколько подворных переписей кустарных промыслов по отдельным уездам: в 1913 г. было обследовано 8 уездов губернии. Данные переписей в целом могут быть признаны достоверными, хотя и не совсем полными.

Все переписи были проведены по трем программам: 1) порайонный бланк, 2) краткая подворная карточка, 3) расширенная подворная карточка.

В порайонный бланк вносились информация о промысле целого района, в который входили один или несколько населенных пунктов. Указывалась и этническая принадлежность населения этих селений. Обширная программа включала одиннадцать пунктов.

1. История промысла: когда возник промысел, почему крестьяне начали им заниматься и его дальнейшее развитие.

2. Личный состав промысла и разделение труда в мастерской: число хозяйств в районе, занятых промыслом, главный вид хозяйственной деятельности населения, половозрастной состав участников промысла, необходимость специальных знаний для участия в промысле, применение наемного труда и его оплата, применение наемного труда местных жителей или из других районов.

3. «Взаимоотношения» в крестьянском хозяйстве земледелия и промысла, обращаются к промыслу многоземельные или малоземельные крестьяне и, как следствие, существуют ли различия в организации предприятий, как промысел влиял на земледелие.

4. Рабочий период: время начала и окончания работ, причины этого.

5. Изделия, вырабатываемые кустарями: указывается и их продажная стоимость.

6. Основной капитал и техника: существует ли специальное помещение для промысла, какие машины и инструменты применяются в промысле, где покупались машины, какие трудности встречаются в применении техники.

7. Материалы и условия их заготовки: место и время заготовки сырья, их цена, изменения за последние 10 лет.

8. Сбыт изделий: место сбыта и расстояние от места проживания кустаря, вид сбыта (на рынок, скупщикам, заказчикам), время продажи, цена изделий, изменения за последние 10 лет.

9. Кредит: где берется кредит, на какой срок, под какие проценты.

10. Артель.

11. Разные вопросы: какие факторы неблагоприятные для развития промыслов отмечают сами кустари.

В краткой подворной карточке, которая заполнялась для всех кустарных хозяйств, содержались сведения о рабочем составе (число семейных и наемных рабочих по возрастным группам) и его изменении, числе грамотных, характере сбыта изделий (на волю, скупщикам и т. д.) и его изменении, заготовке материала и его изменении, о размере надела, времени существования промысла в хозяйстве, получено ли было предприятие по наследству или создано самим кустарем, чем до обращения к промыслу занимался кустарь, что заставило его («какие соображения») переменить занятие, какое место в хозяйственной деятельности занимал промысел (подсобное, главное, основное), отрывался ли кустарь от промысла для земледельческих работ, счи-

тал ли кустарь, что от «работы на заводах, фабриках и пр. он может иметь лучший заработок» и что его «привязывало к промыслу», изменениях техники промысла и откуда они были заимствованы, о сортах изделий и их изменении. В подворной карточке указывалось не только место проживания кустаря (волость, селение, община) и промысел, но и его этническая принадлежность (народность) и фамилия, имя, отчество.

В расширенной подворной карточке, помимо данных краткой карточки, регистрировались производительность труда кустарей, цены главных и побочных материалов, цены изделий, подробные условия заготовки материала и сбыта изделий. Подробная подворная карточка заполнялась целиком не для всех зарегистрированных хозяйств, а только для «играющих заметную роль» и в пунктах «значительного скопления этих промыслов»¹. Расширенная подворная карточка заполнялась в Шадринском уезде для 10–50 % хозяйств отдельного промысла, в Оханском уезде — для 10–20 %.²

Для освещения социальной жизни крестьян-кустарей наибольший интерес представляют краткие подворные карточки и районные бланки.

В кратких подворных карточках прослеживается судьба кустарного производства в крестьянском хозяйстве: основной вид хозяйственной деятельности до обращения к промыслу, время возникновения промысла в хозяйстве и его дальнейшее развитие.

Перспективным направлением исследования нам представляется изучение трудовой мотивации кустарей. Этот

¹ *Очерк кустарных промыслов Пермского уезда Пермской губернии 1913 г.* Пермь, 1913. С. III.

² *Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда Пермской губернии.* Пермь, 1915. С. V. *Очерк кустарных промыслов Оханского уезда Пермской губернии.* Пермь, 1915. С. V

вопрос пересекается с вопросом о факторах развития кустарного производства, всесторонне изученного в исторической литературе. И первые исследования показали, что во внутренней мотивации кустарей согласно по материалам переписей и сложившимися в литературе факторами существуют определенные различия.

Важным направлением в изучении социальной истории кустарей является проблема социальных отношений как с другими группами, так и внутри группы кустарей (наемный рабочий — владелец кустарного заведения — скупщик). В исторической литературе в целом сложились определенные стереотипы этих отношений, а переписи показывают всю их многовариантность. Вопрос о восприятии наемного труда кустарями: о необходимости, по мнению кустарей, расширять производство за счет наемных рабочих, в целом об отношении к статусу «наемный рабочий» — является, на наш взгляд, недостаточно разработанным в литературе.

Еще одним направлением исследования может стать изучение доходности кустарных промыслов и их места в крестьянском хозяйстве. Может быть поставлен вопрос о «престижности» кустарного промысла в хозяйственной деятельности крестьян. Подворные карточки позволяют увидеть отношение кустарей к такому распространенному в конце XIX — начале XX в. в крестьянской среде явлению, как отходничество, а также и к другим внеземледельческим заработкам.

Первичные материалы переписей дают представление о роли семьи и семейных традиций в кустарном производстве. Вопрос о месте семейных ценностей сопоставим с вопросом о влиянии ценностей индустриального общества на крестьянскую среду.

Районные бланки являют собой богатый материал для выводов о повседневной жизни кустарей. Изучение повсе-

дневности возможно по двум направлениям: по территориальному признаку (например, кустари Среднего Урала) и по типам кустарного производства (например, кустари-бондари, кожевенники и т. п.). Часть материалов районных бланков вошла в опубликованные сборники подворных переписей в качестве комментариев, но в очень ограниченном виде и, как правило, только по крупным центрам производства.

При использовании в исследовании первичных материалов подворных переписей необходимо учитывать целый ряд моментов. Во-первых, репрезентативность выборки — как используемой, так и сохранившейся в архиве. Низкая репрезентативность расширенных подворных карточек сокращает возможности широкого привлечения их для исследования. Во-вторых, следует уточнить, как проходил опрос: по дворам лично с отдельными кустарями или на сельском сходе. Второй путь существенно сокращает число заведомо (сознательно) неверных ответов кустарей. В ходе критики источника плодотворным представляется изучение комментариев регистраторов или земских статистиков, представленных в опубликованных сборниках. Они, как правило, отмечали те населенные пункты, где кустари явно стремились к предоставлению ложной информации.

Главной особенностью первичных материалов подворных переписей кустарных промыслов является их ярко выраженная субъективность. И это — главное, что следует учитывать при проведении исследования. Это обстоятельство вынуждает дополнительно обращаться к более объективным источникам, какими могут выступить в том числе и статистические материалы.

Таким образом, первичные материалы подворных переписей кустарных промыслов отдельных уездов Пермской губернии являются основным источником по изучению

социальной истории крестьян-кустарей. Исследования с привлечением этих источников позволят показать многовариантность развития, в то время как усредненные данные дают только общую картину, не учитывая всего многообразия жизни.

В ходе интерпретации информации, содержащейся в источнике, необходимо учитывать условия и особенности регионального и общероссийского развития кустарного производства. Так, для кустарей Пермской губернии, на наш взгляд, основополагающей особенностью регионального развития является источник формирования группы кустарей в конце XIX — начале XX века: это крестьяне-земледельцы и мастеровые закрывшихся или сокративших работу заводов. Игнорирование этого положения может привести к неверному пониманию причин появления ценностных ориентаций и их проявлений, социальных взаимоотношений кустарей внутри группы и т. д. То есть, составление подробной программы исследования невозможно без предварительного изучения развития кустарничества в общероссийском и региональном уровнях.

НАШИ АВТОРЫ

Антипьев Анатолий Григорьевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Пермского государственного университета.

Белоногов Юрий Геннадьевич — старший преподаватель кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

Бушмаков Андрей Валентинович — начальник отдела Государственного архива Пермской области, аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета.

Вяткина Елена Борисовна — преподаватель истории гимназии № 11 им. С. П. Дягилева.

Кашаева Юлия Анатольевна — старший преподаватель кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

Колдушко Анна Анатольевна — ассистент кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

Поварницын Борис Игоревич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

Суслов Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и отечественной истории Пермского государственного университета.

Чащухин Александр Валерьевич — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета.

Черных Любовь Николаевна — преподаватель кафедры истории, политологии и социологии Пермской государственной медицинской академии.

Шадрин Василий Олегович — старший преподаватель кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

Шапиро Альбина Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Пермской государственной медицинской академии.

**АНТРО:
Анналы научной теории развития общества**

Научный вестник

Выпуск 2

Редактор И. М. Минсадыров
Корректор Ю. М. Михайлов
Компьютерная верстка М. М. Зильбермана

Подписано в печать 23.06.2006. Формат 60×90/16.
Бумага ВХИ. Усл. печ. л 7,69.
Тираж 60 экз. Заказ № 600-2/2006.

Редакционно-издательский отдел
Западно-Уральского института экономики и права
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 35д, к. 204
Тел.: (342) 218-13-45, (342) 212-76-86
E-mail: vuz21@pochta.ru
zuiep@mail.ru

Отпечатано на ризографе в отделе
Электронных издательских систем ОЦНИТ
Пермского государственного технического университета
614000, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113
Тел.: (342) 219-80-33